

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТАК БЫВАЕТ

Любовь
бывает разная

Никтория Мазуровская

Никтория Мазуровская

Так Бывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48708405

SelfPub; 2019

Аннотация

Часто одной любви для счастья мало. Любовь не убережет от ошибок будущего, не даст спасения от ошибок настоящего, и не исправит ошибок прошлого. К сожалению... есть она и ее прошлое, и есть он с его планами в будущем, есть их любовь, которая давно не спасает и которой оказывается мало для простого, но такого желанного счастья! Содержит нецензурную брань.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	51
ГЛАВА 4	75
ГЛАВА 5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	110

ГЛАВА 1

По правде говоря, она не ожидала от этого дня чего-то особенного,— ехать с утра на работу в заслуженный выходной день совершенно не хотелось. Но и отказаться Таня не могла никак, не из-за злого и требовательного начальника, это уж точно. Сан Саныча она знает и уважает с детства, а также безмерно его любит, не только за то, что позволил нерадивой женщине вернуться на старую работу, но без лишних вопросов принял в свою семью. Потому она и неслась в город, сломя голову, наплевав на отдых.

Думать о прошлом было все так же больно, неприятно и потому она старалась этого не делать, гнала мысли прочь, предпочитая смотреть на знакомые пейзажи за окном, бурчала под нос нелицеприятные слова подрезавшему ее мужлану на огромном мерседесе.

Думать-то она думала, смотрела по сторонам на машины, на водителей, и злилась. Хоть и не сильно, но существенно, что было видно по ее лицу.

Весна выдалась достаточно жаркой, скорей даже очень душной и жаркой. Температура в городе последние недели не опускалась ниже тридцати градусов, прибавить к этому ужасающую духоту и, вуаля, — в бетонных джунглях становилось невыносимо находиться, и, если нет хорошего кон-

диционера в квартире или машине, можно свихнуться. В ее квартире кондиционер сломался, несмотря на то, что и года не прошло от покупки квартиры и виновника ее плохого настроения.

Свинтить на дачу было лучшим вариантом: не так душно, не так жарко, чистый лесной воздух, озеро, удобный гамак, бутылка красного полусладкого и хорошая книга. Таню этого лишили, а причину предпочли оставить в секрете. Она почему-то решила, что неприятностей не избежать, потому, собрав хилые пожитки, а именно – бутылку того самого вина и книжку, села в машину и рванула в город, даже не заезжая домой, чтоб пред светлым ликом начальства предстать, как положено, – по офисному дресс-коду.

Сильный нагоняй получить она не могла: вчера, когда уезжала на дачу, все было в порядке, новых контрактов у них пока не предвиделось, а в старых все было проверено и перепроверено сто раз. Еще при вступлении в должность начальника юридического отдела, в котором, не считая ее, работало пять юристов и несколько помощников, – правда, были и фрилансеры, – Татьяна попросила изменить типовой вид всех документов, так как в старых было много лазеек, не слишком выгодных для них. Лучше перестраховаться. Клиенты были не в особом восторге, но специфика оказываемых услуг позволяла диктовать свои условия в некоторых аспектах их работы.

Эта фирма была крупным детищем ее отца и его сослу-

живца, и Таня старалась работать так, чтобы это детище и дальше радовало не только ее постоянной и хорошей зарплатой, но и чтоб Сан Саныч был доволен и счастлив. После смерти отца, часть фирмы принадлежит ей, но справедливо рассудив, что фактически больше пяти лет ничего для фирмы особого не сделала, она получала тридцать процентов от общей прибыли. Нельзя сказать, что такое решение обрадовало Саныча, но спорить с упрямой девчонкой было бесполезно. Может, от этого, а может, чисто из жалости, что более вероятно, он без вопросов доверял ей все бумажные и бюрократические заморочки. Она трудилась у него во время нескольких летних практик университетской учебы, помогала, когда не жила в этом городе, по мере сил, курировала работу отдела на расстоянии, а сейчас заняла, как он считает, законное место.

И вот этот срыв запланированного мини-отпуска был очень странным. Ну и ладно, в любом случае, если сильно приспичит погрузиться в лоно природы, на майские праздники она всегда может вернуться на дачу, хотя проверить, как там ей починили кондиционер, тоже надо. В последнее время она старалась искать плюсы во всем, и эта ситуация,— не исключение. Кирюшка, правда, обещал посмотреть и проверить, как там поживает гроза жары в ее квартире, но на малолетнего раздолбая надежды мало, так что заодно и контролирует, что и как там.

Таня была довольна своей жизнью, крайне старательно

выстраивая ее заново, налаживая старые контакты, учась жить по-другому, и Кирилл ей в этом стал незаменимой подмогой. Отвлекал, занимал практически все ее свободное время, и эта его молчаливая поддержка была безумно приятной и важной для нее. Может, кому-то и казалось подобное странным, но мнение чужих людей ее волновало не сильно...

В пору подростковых взбрыков, попыток что-то доказать собственной матери, трудиться в фирме отца она отказывалась наотрез и искала проявления самостоятельности везде, но только не там. И как-то через знакомых устроилась работать няней к Липовым. Лиля, как ее попросила звать мать-одиночка, имела пятилетнего сына на руках. Кирилл был ребенком трудным,— сказывалось отсутствие отца и постоянного мужчины в доме. Сами-то мужики, конечно, были, но надолго не задерживались. Пара месяцев, не больше. В Кирилле Таня видела себя, видела свою потребность в родительской любви и прикипела душой к мальчишке. Сама тогда училась в девятом классе, после школы забирала мальчика из сада, гуляла, занималась с ним, отдавала всю нерастраченную любовь и внимание ему. Лиля, преобразованиями в поведении сына была довольна, и новой няней тоже. Годы шли, и из простых, рабочих отношений между ними всеми завязалась дружба.

Появление приемного отца Кирилл воспринял спокойно, хотя женщины боялись детской ревности, но, поскольку Та-

тъяна никуда деваться не собиралась, то и нехватки внимания ребенок не замечал. Так прошло еще пару лет, и их семья стала для нее ближе своей, но все когда-то заканчивается, и их спокойствие, а заодно и ее, было нарушено цепочкой событий, которую теперь иначе, как судьбоносной, не назовешь...

И даже когда она перевелась в столичный университет, про свою младшую и вредную половину не забывала, так же, как и Кирилл без своей Тани скучал и тосковал, но звонить часто, писать смс-ки про то, что происходит в его уже школьной жизни, не переставал. А по возвращению старшей подруги домой, спустя долгое время, старался далеко и надолго не пропадать. Пусть выпускной класс, пусть экзамены на носу, друзья-подруги зовут, но он видел себя сейчас единственным мужчиной, способным ее защитить от грусти, которую узрел в ее глазах, но пока не слишком то получалось. Но молодой человек не отчаивался, чувствовал ответственность за нее, хоть об этом ей никогда не скажет, и понимал теперь, как много она ему дала, сколько своей любви и внимания подарила, за что он ей искренне благодарен. А еще уж точно никогда он не признается, что за те пять лет, что ее не было рядом, -хотя телефонные звонки, скайпы никуда не делись, -он слишком истосковался по своей практически маме, и детскую ревность испытал именно к ней, а не к родной матери и отцу.

Ну вот, вроде обещала себе не думать, не анализировать, но так и вылезет какая-то мысль... и все... Утягивает по самое не могу в размышления о былом и славном времени молодости, юности и так далее. Самоирония тоже некое подобие самозащиты сознания от ненужных мыслей и тревог, правда, помогает пока не очень.

Ездить на машине она предпочитала в тишине, сейчас же решила включить радио, новости знать всегда полезно. Найдя местную радиоволну, слушала и сворачивала на нужном повороте, автоматически посматривая по сторонам. До офиса оставалось не так много, и наличие такого количества машин удивило женщину не на шутку, а подспудное чувство тревоги заставило надавить на педаль газа, не обращая внимания на знак ограничения скорости, на узкой улочке, ведущей к зданию, где находилась охранный фирма, самая крупная и успешная в области, — «Меридиан».

Теперь волнение было слишком ощутимым, потому что на парковке, где она сейчас остановилась, стояла черная «Волга» с правительственными номерами, еще пара незнакомых машин, а у входа, нервно нарезая круги, ходило ее непосредственное начальство. Это бы еще ладно, но дымящую сигарету в зубах, при виде ее машины, Сан Саныч выкинуть не успел. Дело дрянь! Однозначно, дело дрянь, и ситуация, в которую, кажется, они влипли под чьим-то чутким руководством, из разряда ж...!

Набрав в легкие побольше прохладного воздуха, она вышла из машины в вечернюю жару, и спокойно двинулась к Саньчу, все так же нервно ждущему ее приближения.

Мужчина под шестьдесят лет, с седой головой, но при этом не утративший своей мужской стати, на которую женщины постарше обращали внимание, сейчас выглядел встревоженным и немного виноватым, что, кстати сказать, было очень странно. Виноватым именно перед ней, что странней намного больше.

– Что у нас в офисе делает заместитель генпрокурора области? – первый же слетевший вопрос заставил мужчину виновато потупить и, пропуская молодую женщину вперед в открытые двери, мужчина тяжело вздохнул, предвидя еще больше проблем, чем можно было предположить, пока он ожидал ее появления.

– Уже разглядела номера, глазастая ты моя?

– А как их не разглядеть, если так и сверкают? Долго ты елозить будешь или сразу скажешь, что случилось такого, что мне пришлось сорваться с законного, попрошу заметить, отдыха?

– У Олега на смене произошли неприятности, ты новости не смотрела?

– Пыталась послушать, но ничего такого там не было. А об этом уже и в новостях трезвонят? Ты ясно можешь сказать,

что случилось-то?

Они остановились перед входом в приемную, где располагались два кабинета,— ее и Саныча. Секретаря по причине выходного дня, общего для двоих, отпустили отдыхать еще вчера. Из ее отдела в офисе сейчас находились пара помощников и Степка — ее заместитель, это она отметила мимоходом, пока они шли. Тянуть и дальше, топчась в приемной, не было смысла, и она решительно направилась к начальнику в кабинет, но аккуратно, дернув за локоток, ее остановили.

— Да скажи уже! Там убили кого, что ли? — с каждой секундой тревога росла, и сейчас в ней уже начинал закипать гнев от абсурдности происходящего.

— Типун тебе на язык, Татьяна, что говоришь?! — еще раз тяжело вдохнув, мужчина таки заговорил. — У нас контракт был с Клементьевым, помнишь?

— Личная охрана и охрана предприятий, так ведь? Олег там каким боком?

— Заказчику нужна была дополнительная группа охраны для встречи важных гостей из столицы, утром сегодня в аэропорт отправился Олег с ребятами, и началось... Кто-то их пас, пытались подрезать... в итоге крупная авария на объездной дороге из-за попытки наших ребят уйти от погони. Клементьев, узнав о шумихе, контракт с нами разорвал, столичных гостей побоку, а сам, кажется, куда-то уехал.

— Так, ясно. Ну, неустойку он нам заплатить будет должен, все это в контракте прописано, так что не волнуйся, в день-

гах не сильно потеряем. Наши все целы? Завьялов из-за этого тут? И ладно, разберемся, – уже, перебирая в уме пункты контракта и заявления для прессы по инциденту на дороге, мысли завертелись, как колесо.

– Завьялов здесь из-за гостей, они важны не только... в общем, теперь это наши новые клиенты.

– Саныч, ты же не сдернул бы меня из-за этого, правда? Степка на месте с контрактом бы разобрался, а все остальное я могла бы и по телефону сделать. Это ведь не все?!

Мужчина грустно улыбнулся, повернулся к дверям своего кабинета, и открыл дверь, приглашая меня зайти.

– Нет, милая. Тебя попросили явиться наши новые клиенты.

На слове «клиенты» в его глазах такая злость сверкнула, что у Татьяны самой поджилки затряслись. Подобное поведение, а уж эмоции, Саныч открыто проявлять себе не позволял и заходить в глубь знакомого кабинета ей вмиг расхотелось, но ноги шли, и ничего, точнее никого, необычного не было заметно, пока мужчина, стоящий возле окна к ней спиной, не повернулся и не показал до боли знакомое лицо, а голос, волновавший ее столько лет, теперь сшившийся в кошмарах, не произнес:

– Здравствуй, Таня!

Несколько секунд ступора, а потом дрожь прошла по телу едва ощутимой волной, ком встал в горле, а паника нахлынула с такой силой, что первым порывом при виде этого кон-

кретного мужчины было сбежать. Развернуться и сбежать... далеко... спрятаться в самый темный угол, забиться, и никогда не видеть этих глаз, не слышать голоса, не видеть лица. Забыться навсегда и не помнить, как он умеет любить, и как умеет делать больно. Эмоции бушевали, пальцы рук подрагивали, а ком в горле не давал возможности и слова сказать, потому что голос бы ее выдал.

Руки сжаты в кулаки, на лице и мускул не вздрогнул, все внутри, — и только там все бурлит, кипит и переливается через край ее самоконтроля. Она тренировалась держать лицо с четырнадцати лет, так что была уверена, что и в глазах ничего не отразилось, но вот в голосе ... могло. Потому, сглотнув комок, она просто кивнула ему и обратила свое внимание на другого человека, также смотрящего на нее, — с этим можно и поговорить. Не так больно будет.

— Я так понимаю, вы и есть столичные гости? А Завьялова где потеряли? — Костя, к которому она обращалась, лишь едва заметно скривил губы на ее нежелание здороваться с его партнером по бизнесу, но словами свое отношение выразить не стал... и на том спасибо.

— И тебе привет, Таня. Рад видеть. Жаль, что обстоятельства не слишком радостные, — он поднялся со стула, на котором до этого вольно расположился, и, раскрыв объятия, направился к ней. Обнял, клюнул в щеку и вернулся обратно. — А господин Завьялов сейчас подойдет, он, знаешь ли, тебя тоже заждался.

– Не совсем понимаю, зачем я здесь? Ты, Костя, моему заму не доверяешь?

– Я-то доверяю, мы оба, – при этих словах он головой кивнул на мужчину возле окна, – доверяем, но с прокуратурой шутки плохи, а у нас в вашем городе доверенных лиц нет. А ты человек проверенный, вот и поприсутствуй при даче показаний.

– Заместитель генерального прокурора сам лично будет брать у вас показания по поводу произошедшей погони и аварии? Шутишь? Или его понизили, а я не в курсе? – легкое замешательство было всем понятно, – не такого размаха было дело, чтоб тут такие люди появлялись.

– Дело под его личным контролем. – Сан Саныч занял свое место за столом, стараясь на нее не смотреть. Ну, это ясно. А вот обращать внимание на речи другого персонажа она не собиралась: слышать слышала, но реагировать себе запрещала. Пусть это и выглядит нелепо, некрасиво, и просто по-детски, по-другому она не могла.

– Это ведь не все? Такая заинтересованность и контроль на пустом месте не появляются. У вас была обычная рабочая поездка или личная? – задавался этот вопрос, глядя на Константина, но отвечать он не спешил. – Чего молчим, господа? Пока есть возможность, говорите, -неприятности с прокуратурой, думаю, никому не нужны.

– Мы открываем филиал здесь, регион перспективный, новое направление. Бумаги готовы, даже получили поддерж-

ку вашей администрации, но, кажется, кто-то решил нам планы подгадить. Пока разберутся, пока оформят все... время идет, а это деньги.

– Большие деньги?

– Немалые. Мы тут уже неделю, сняли офис, набрали штат, кое-кого привезли из столицы сюда, перспективный контракт заключили, начинаем работу. А теперь, видимо, застопоримся на некоторое время.

– Думаете, это местные подставляют или же из ваших кто?

– Я пока ничего не думаю, не тем голова забита.

Ответить она не успела, и слава богу, потому что терпение не безгранично. Впервые она была рада появлению бывшего одноклассника, который теперь занимал довольно высокий пост, но как был дрянным человеком, таким и остался.

Дальше обсуждение пошло более конкретно, заключили контракт не только на предоставление охраны личной, для офиса и для новых объектов их работы, но и на сопровождение юрисконсультанта. Вот на этом вопросе Татьяна застопорилась. Она-то, дура, надеялась, что в городе останется Костя, но у того какие-то дела, не терпящие отлагательств в Москве, а потому здесь оставался Дима, и он был этому несказанно рад. Славик записал показания, все подробно и, как положено, по протоколу. Странно, конечно, такому чину и таким заниматься, ну да ладно, это их заморочки, влезать еще и туда – лишние проблемы на головы уже ее подчиненных. Свои вопросы сами между собой пусть решают. А то

она не знает, кто представляет интересы губернатора, вот он, сидит и зубы скалит, небось, опять поужинать позовет, ирод!

– Фронт работ намечен, позвольте откланяться, если ни у кого больше вопросов к нашим клиентам нет?

Завьялов только сейчас обратил внимание на напряженную молодую женщину, и грешным делом списал это на себя, но, как оказалось, зря. Удивленно смотрел на нее, видел, как и всегда, красивую Таньку, по которой сох класса с восьмого. У всех их девчонок поперли тогда груди-попы и все остальное, а она была как-то по-особенному красива. С ней не хотелось просто переспать, с ней хотелось быть рядом. В школе, правда, она ни с кем не встречалась и вообще не слишком-то общительной была, в университетские годы они в разных группах учились на юрфаке, а потом она вообще пропала. Вернулась вот недавно, и вся такая из себя штучка столичная. Умная, красивая... говорили, замужем была, но развелась, а его все динамит. Он и зовет-то уже из принципа только. А сейчас отчего-то напряженная сидит, на Константина этого уставилась, а кулаки аж побелели, так сжала их.

– Ты чего такая, а, Тань? Случилось чего? – он не обратил внимания, как от такой заботы у Дмитрия перекошило лицо, потому и проявил неуместную заинтересованность к бывшей однокласснице, а сейчас просто к красивой женщине, которую он уже несколько раз звал поужинать и, каждый раз получая отказ, не понимал, что делает не так.

— А вы, Вячеслав Николаевич, с каким умыслом интересуетесь делами чужой жены? — гнев Димы был бы замечен и слепому, глухому и всем прочим людям в комнате, но Завьялов не додумался сообразить, что его несбыточная мечта поужинать с женщиной, с которой сам Дмитрий носит одну фамилию на двоих, у него в цельную картину не сложилась, потому от взбесившейся женщины он отшатнулся как от чумной.

Стоило ему только назвать ее женой, как терпение у нее лопнуло. Вылетела из кабинета, еще и дверью хлопнула напоследок.

Нет у него права так называть ее. И своей считать тоже права нет. И развод она получит совсем скоро. Вычеркнет навсегда из памяти пять лет брака, несбывшиеся мечты, надежды. А, главное, -его вычеркнет.

Она твердила себе это каждый раз, просыпаясь и засыпая. Это была ее мантра на спокойный день и спокойный сон. Повторяла каждый раз, стоило только вернуться в этот город. Повторяла практически каждую секунду, пока действительно не поверила в это. Что сможет хоть когда-нибудь прекратить любить его. Любить его и мучить себя. Потому что, он, Дима, больше ей не принадлежит, и она ему тоже. И семьи больше нет. Их семьи, мира, где она была безумно счастлива какой-то год назад, — нет.

Ничего этого больше нет. И сердца ее тоже нет. Там, где было сердце, теперь пустота, что затягивает с каждым днем

все больше, и она, Татьяна, с этой пустотой бороться уже устала. Выдохлась. Сдалась.

И летела она к своей машине, сдерживая свою боль и на-вернувшиеся на глаза слезы совсем не потому, что безумно скучала по нему, не потому, что тоска в груди ей выгрызла все нутро, и не потому, что она устала любить этого мужчину через всю причиненную им боль. Совсем не поэтому. Соринка... Просто соринка попала в глаз.

Плывать ей было на то, что подумали мужчины, оставшиеся в кабинете, плевать. Она должна думать о себе. И главное сейчас,— это не сидеть и не рыдать, как дура, на парковке перед офисом, а показать внимательно наблюдавшему за ней в окно мужчине, что ей все равно на его присутствие, не дать ему и малейшей возможности снова разрушить саму ее суть, и ее жизнь.

Домой, к несчастной бутылке вина, а может еще одной бутылке... кажется, у нее оставалась водка с очередных посиделок Саныча и Олега в ее квартире, алкоголиков несчастных.

— Не трогай ее сейчас, Дима. Дай в себя прийти.

Дмитрий смотрел в окно, наблюдая за напряженной, натянутой, как струна, спиной, видел нервный шаг, видел, как Таня старается не лететь бегом,— прочь от него, — а идет мед-

ленной, чем ей хотелось бы. Все это он замечал, и каждый ее нервный шаг рвал ему душу.

Заслужил и такую ее реакцию, и не слишком дружелюбный взгляд Сан Саныча. Все это он знал. Что не простила. Что развода жаждет. Что сюда сбежала, под крыло единственного оставшегося для нее родного человека в надежде спастись от него. Но смириться так и не смог. И развод она не получит, не потому, что он боится, что (с ее-то головой) может без штанов остаться, это его волнует в последнюю очередь, просто... она – его жена. И не может его не любить. Он видел это в ее глазах, хоть старалась она все спрятать и взять под контроль, но он заметил. И пусть ее боль, злость, гнев тоже увидел, только отпустить не мог.

Понимал, что надо время ей дать. Еще тогда понимал... и дал время. Себя убивая, но дал время.

Год. У нее был целый год без него. И у него этот год был, но без нее. Худшее время его жизни.

И сюда он ехал за ней, чтобы вернуть домой. В их общий дом.

– Дима, мне ехать надо. Или остаться до понедельника? – друг отвлек от наблюдения уже за пустой парковкой.

– Езжай, на праздниках все равно ничего делать не будут, и никакой особый контроль не поможет. Потом вернешься.

– Точно? – от уточнений только нетерпеливо отмахнулся. Его мысли были с ней. С его Таней.

– Ох, Костя, не видишь, что ли? Не до тебя ему сейчас, он жену увидел и пропал. Езжай, ждут тебя там.

– Вам-то откуда знать, Сан Саныч? – Костю, правда, ждали, только не дела и не работа. В его жизни такие перемены произошли, что у того голова кругом пошла, но перемены приятные и значимые. Не все гладко, но он делает все для будущей семьи и сына, – Дима это знал, и задерживать его в городе смысла не видел. Его сердце там, в столице, осталось и бьется это сердце теперь для сына. Работа подождет.

– Я, знаешь ли, Константин, многое знаю и про тебя, и про него. Мы с тобой еще предметно обсудим все, как вернешься. Езжай, парни проводят, – им двоим, наверное, почудилась в интонациях Саныча угроза Косте. Вот если бы он Диме, при встрече, сразу в рожу зарядил, или парней своих попросил, Дима бы это понял, потому что заслужил, а вот Косте-то за что такое предупреждение в голосе могло достаться? Интересное кино. Наоборот, вместо заслуженного мордобоя их встретили, проводили, практически, в лучшем виде и сейчас вот вроде гостеприимство проявляют. Да, ситуация. Пойми, что старый хрыч выкинуть может.

Костя развернулся и пошел к двери, говорить ничего не стал. Что толку? Саныч туману напустить мастак, лис старый, а все туда же, загадки загадывает.

Димка вон сам не свой. Дров наломал за год, так и не расхлебал, все только хуже стало. Так что просто молча рванул к тому, кто нуждался в нем сейчас больше всего на свете, а

друг понимает, что, конечно, радуется, потому как работу никто за него не сделает. Вот и будет пока мотаться из города в город, а там уж посмотрит, что и как.

Костя свинтил, да так быстро, что мужчины опомниться не успели, но оба понимающе усмехнулись. Только Саныч грустно, а Дима чуть радостней. За друга он всегда порадоваться готов. С Костей они знакомы давно, еще с начальных классов, практически, оттого такие перемены в друге его откровенно радовали. Совсем недавно он родителей потерял, а больше никого и не осталось. И вот, бац, кое-кто нашелся. История некрасивая, даже откровенно говоря, хреновая история. Это для Димы Костя друг, и он принимал его всегда таким, какой он есть, а вот для других Костя другой. Своячнейший мужик, а для баб так и подавно. Никогда не церемонился с ними, пользовался... да там, наверное, такое количество их собратов может, что население Китая позавидует. Но тут вышел сюрприз, как говорится. От кое-каких занятий дети появляются, а Костя об этом позабыл, вот теперь вроде радуется, но за голову тоже хватается.

Все эти мысли в его голове промелькнули общим фоном, главным было другое. Жену он увидел. Не изменилась совсем, похудела, правда, сильно, — ветер подует, снесет наверняка. Он ее любой любит. И плачущей, с красными глазами и распухшим носом, невыспавшуюся, ворчащую на него по утрам, злую, веселую. Он любит ее всякую и всегда. Жаль,

что любовь эта от ошибок их не уберегла. И ее, и его. Его, конечно, больше.

А сейчас, в глазища ее зеленые заглянул и пропал, как в первый раз. Год ее не видел, столько раз рвался приехать, брал билет, но не решался. Знал, что права не имеет ее тревожить, лучше время дать успокоиться, знал, но без нее не мог. И она с ним не могла, вот и сбежала.

Теперь увидел и четко понял, пока не вернет ее, не уедет никуда. Будет по пятам за ней ходить, под подъездом караулить, неважно, что еще сделает, но без нее не вернется ни в какую Москву или другой любой город. Только с ней.

Один только Бог знает, как он сейчас сдержался и не бросился ее обнимать, целовать, просто прикасаться к ней. Ему бы очень хотелось взять ее за руку, поцеловать ладошку, ощутить, как от его прикосновений, столь невинных, учащается пульс на запястье. Зарыться лицом в мягкие русые пряди, вдохнуть привычный запах. Прижать ее к себе и замереть на пару минут, просто ощущая ее настолько близко рядом с собой. Поцеловать теперь впалые щеки, тени под глазами, едва появившиеся морщинки в уголках губ и глаз. Целовать все ее слезы, выплаканные из-за него, забрать все тревоги и печали. Вновь сделать ее счастливой. Насладиться прикосновением ее упрямых губ, почувствовать ее маленькие ладони на собственных плечах, в волосах, на щеках. Он бы многое отдал, чтобы просто быть рядом с ней и не бояться, что своим одним присутствием делает ей невыносимо больно,

напоминая о том, чего лишил их обоих.

– Вот смотрю я на вас, молодых и глупых, и думаю, сколько еще времени своего разбазарить вы готовы, а, Дима? Ты делать-то что будешь? К себе она тебя не подпустит теперь.

– Не знаю, Сан Саныч, но я верну ее.

– Вернет он ее. Я тебе еще тогда что сказал, помнишь? За муж ее выдавал за тебя, доверил, а ты что же? Удавил бы, как кутенка неразумного, да только любит Татьяна тебя, видеть не может, а любит. За что счастье тебе такое досталось, не скажешь мне, Дмитрий Сергеевич? Как проворонить умудрился-то? Танька молчит. Приехала, только и сказала, что на развод подала, а больше ни слова. Я-то, дурак старый, думал, в руки надежные отдал, а ты? Как исправлять-то будешь? – и вроде Саныч его журил по-доброму, но глаза горели зло, непримиримо зло. И будь действительно у него возможность, Саныч бы его удавил. Дима бы и сам такое за дочку свою сделал, правда, Таня ему не дочь, но близка к этому понятию.

– Адрес ее новый дадите?

– Ты нахрапом лезть задумал? Смотри, чтоб Кирилл с лестницы не спустил, тот тоже защитничек, от себя не отпустит и тебе места в ее жизни не отдаст. – Саныч усмехнулся, глядя на него. – А ты что думал? Она вернулась домой, ко мне и к нему, больше здесь ее никто не ждал. И я понимаю, что как бы она не сопротивлялась, как бы не злилась на тебя, ты ее муж любимый. Простит рано или поздно, не знаю,

уедет ли, но простит. Кирилл же... тяжело ему тут без нее было, и сейчас тоже тяжело. Сам-то себя помнишь в таком возрасте? Если ссора, то навсегда, если дружба, то навечно. Таня его спасает, а он ее. Вот и все, Дима, вот и все.

– Так адрес дадите?

– Куда ж я денусь-то? – он еще раз внимательно поглядел на Диму, вздохнул, но взял бумажку и адрес записал. – На охране скажешь, что вернулся из командировки и покажешь паспорт, пропустят без предварительного звонка хозяйке. Сама она тебе разрешение не даст, ты ж упрямство ее не хуже меня знаешь.

– За это и люблю Саныч, упрямство ее люблю.

Как бы ни хотелось ему сейчас рвануть по нужному адресу, перво-наперво нужна гостиница, душ, переодеться и только после уже ехать к ней.

ГЛАВА 2

Вечер вышел не таким, каким она бы хотела. Ей не дали выпить водки, а до вина она просто не успела добраться.

Всего за каких-то несколько часов ломается жизнь. Опять. Это дежавю, не иначе.

Нельзя сказать, что все перемены касаются исключительно ее. Нет. Но теперь, видимо, коснутся, а иначе она бы не смотрела сейчас в глаза того, кого так ненавистно любила. Только собиралась открыть злосчастную бутылку испанского вина, которую ей подарили недавние клиенты – прознали, чем можно порадовать, – уже достала штопор, бокал из тонкого стекла на высокой ножке поставлен на стол, а бутылка вынута из холодильника, как позвонили в дверь.

Если звонят в дверь, значит это кто-то из списка разрешенных гостей. На душе даже полегчало. Она ждала кое-кого другого, но и этому гостю не слишком будет рада. Кирилл, конечно, спит крепко, но новоявленный папаша заслужил хорошую трепку и она ее ему устроит. За этого мальчика Таня убить сможет, не то, что закатить банальный скандал с битьем посуды о чью-то не слишком умную голову.

Но, открыв дверь, поняла, что ошиблась. Неважно уже, каким образом его пропустила охрана.

Пустота накрыла, слова застряли в горле, а руки безвольно

опустились, даже не пытаясь захлопнуть перед наглым носом дверь. Бесполезно. Это знали оба.

Смотреть на него было больно, не спасали ни усталость, ни злость. Пустота в груди при одном взгляде в карие глаза начинала невыносимо пульсировать. Дыхание из груди вышибало, стоило только заметить, как от недосыпа посерегло любимое лицо, как прорезались от усталости морщины в уголках рта, скулы еще больше заострились, из-за чего его лицо трудно было назвать хоть капельку привлекательным, скорей пугающим, и это в тридцать шесть лет... ходить с таким отчаянным выражением глаз.

За последнее время они оба, мягко говоря, не похорошели. Кто в этом виноват? Она, -потому что уехала и оставила его одного? Или он,— из-за поступков которого она сбежала? Теперь не важно...

Молча пропустила его в квартиру, так же молча поставила гостевые тапочки перед ним и кивнула головой в сторону кухни. Ждать не стала и, нервно теребя край пижамной сорочки, пошла-таки открывать ту бутылку вина.

А может, ну ее? Расхреначить эту бутылку о стену, заорать, чтоб убирался и никогда не смел являться на порог?! Кинуть, стоявший на плите чайник, наброситься с кулаками и попытаться доставить ему столько боли, сколько сможет? Возможно, такой всплеск эмоций сослужил бы хорошую службу, снял напряжение, позволил бы расслабиться

хоть немного... Бесполезная трата нервов, вот что это.

Если Дима пер, как танк к намеченной цели, несмотря ни на что, то сама она привыкла эмоциональные порывы сдерживать. Не проявлять эмоций при... чужих людях. Мужчина, что зашел в кухню, с интересом осматриваясь, был именно чужим. Слишком много между ними произошло за короткое время, слишком отделились и не сумели справиться, стали чужими. Ей это стало ясно еще год назад, а вот он сопротивляется, не верит! И будет мучить ее еще долго, пока сам не поймет, что нет давно того, что так крепко связывало их раньше. Исчезло. Истончилась, обветшала ниточка и, в конце концов, оборвалась.

Видеть его в новом доме было непривычно. Здесь ремонтом занималась не она, а нанятый дизайнер,— по оговоренным просьбам сделала трехкомнатную квартиру наиболее комфортной. Первое время домом это место назвать было трудно, ощущалась чужеродность какая-то, неестественность. Саныч с Кириллом ничего такого не чувствовали и подавно, сказали «хороший ремонт» и все. А ей тяжело было, маетно находиться первое время тут одной, отвыкла от одиночества.

— Хорошая квартира, мне нравится, — оглядевшись, он выбрал стратегически верное место и присел на стул, ближе всего стоявший к выходу. — Старая была лучше. Продала зачем?

– Мне отчитаться о потраченных и полученных деньгах? Решил подать на раздел имущества?

– Не болтай глупостей, твои деньги мне не нужны. Просто спросил, что не так с квартирой, в которой ты выросла.

– С ней все так, захотелось перемен, знаешь ли.

– А больше тебе ничего не хочется? Например, вернуться домой?!

– Мой дом здесь был и будет, и ты зря пришел, я не уеду.

Он встал и подошел ближе к Тане и от желания прижаться к знакомому телу, ощутить его тепло и набраться сил закололо кончики пальцев и, чтобы голос не дрогнул, пришлось сглотнуть ненавистный комок в горле.

– Мы все решим, обещаю. Только давай уедем домой, я не буду тебя трогать. Ты даже можешь выселить меня на диван, я слова против не скажу, буду спать там, сколько понадобится. Только давай вернемся домой.

– Мой дом здесь, Дима, а вот твой там. Ты зря приехал, нас разведут через неделю, и ты будешь свободен, так же, как и я.

– А если я не хочу быть свободным, не желаю этого?! – хладнокровие танка мужу не грозило, он чуть ли не орал, говоря это.

– В гостиной спит Кирилл, и тебе его лучше не будить, – прошипела и оттолкнула от себя подальше, чтоб дал пройти к столу. – О своих желаниях надо было думать раньше! Ах, погоди-ка, ты именно о них и думал, а я была побоку. Теперь

чего ж спохватился?

Договорить им не дали, в дверь опять позвонили.

– Закончится этот день когда-нибудь или нет?! – Дима застыл на секунду, зло полыхнул взглядом и демонстративно уселся все на тот же стул. – Тебе лучше уйти.

– А мне и тут хорошо, твоим гостям я не помешаю. Кто это, кстати, к тебе в такое время приходит? – проигнорировал мои слова, спросил, выразительно скосив глаза в сторону коридора.

– Не твоего ума дело. – Огрызнулась и пошла открывать.

Вдох-выдох! Еще одна словесная баталия наметилась, но уже с другим претендентом получить чайником по голове.

На лестничной клетке стоял, кто бы мог подумать, сам Владимир Липов собственной персоной.

– Какие люди и без охраны, чего явился? – впускать этого гада в дом теперь не представлялось возможным, потому вышла на лестничную клетку, а дверь прикрыла.

Мужчина под сорок лет, хотя на вид ему можно дать и все пятьдесят, за прошедшие годы утратил всю свою привлекательность: теперь блистал пивным животом и малость отекившим от долгого сидения в офисе лицом. Рожа небритая с утра, временами он напоминает алкаша запойного, что, кстати, правдой не является, но, тем не менее, глаза серые и невыразительные, сейчас наполненные злобой, осуждающе смотрели на меня. Можно подумать, таким взглядом кого-то

напугать хотел, собственная жена-то его не боялась, может, если только подопечные на работе, сомнительно, конечно, но бывает.

Раньше он производил другое впечатление, раньше я его уважала. Сейчас же, после рассказа Кирюшки, ничего, кроме отвращения и жалости, он не вызывал. Куда только всё подевалось? Удивительно.

– Он у тебя, я знаю, позови! – приказной тон взбесил до невозможности.

– Ты, Вова, адресом ошибся, приказывать на работе будешь, а тут гонор поубавь.

– Таня, я не хочу ругаться с тобой, просто позови его.

– Он спит, пусть отдыхает, у него был трудный день, правда, Володя?

– Что, пожаловаться успел? Ты его разбаловала, – он облокотился на стену и за миг весь как-то сжался, ссутулился и потерял всякий боевой настрой. – А может, так и лучше? Ты ему всегда вместо матери была, вот и пришел к тебе.

– Господи, Вова, а ты куда смотрел, а? Что ж позволяешь ей такие вещи сыну говорить? Он в чем виноват?

– Она беременна, это гормоны, – пройдет.

– Себе врать-то прекрати! Лиля всегда такой была, а ты позволял. Понимаю, вы девочку ждете, родную и любимую, но про сына своего ты успел забыть?

– Он не мой, ты знаешь! – хрипло ответил и, кажется, сам же своими словами подавился, потому, что вдруг закашлялся.

ся и покраснел. Но слова уже произнесены и их не воротишь. Подозреваю, что и Кириллу мать его нечто подобное уже говорила.

– Он твой с тех пор, как ты его усыновил, Вова. Ты тогда подумал и решил, что твой он, а теперь, когда Лиля от тебя ребенка ждет, все? В приемного отца ты наигрался и можно парня на мусорку выбросить?

– Никто его никуда не выбрасывает, он сам виноват. Нет, чтоб промолчать, Лилька бы поворчала и успокоилась. А этот? Сам виноват.

– Ты его отец, твоя обязанность его защищать даже от родной матери, если ей гормоны в голову ударили! Ты его бросил, потекаешь ей, а дальше что? Мальчишку из дома погоните, лишь бы не мешал вам?

– Он поступит, поживет в общежитии, в этом нет ничего страшного. Что ты мне здесь целую обвинительную речь устроила? Не в суде и присяжных здесь нет! Ты тоже хороша, защищаешь его, всегда добренькая, святая, блин. Ты только представь, что начнется дома, когда Лиля родит. Малая будет плакать по ночам, Лилька беситься, этому нужно учиться, мне работать... лучше будет ему жить в общежитии.

– Ваш дом находится в квартале от его университета, ему никто не даст комнату, ты ведь знаешь все эти правила и заморочки.

– Лиля его выписала из квартиры и прописала у бабки в деревне. – Тихо признался, даже лицо отвернул так, чтоб

неяркий свет лампочек коридора не показал его глаза.

Таня засмеялась. Это ж надо такое выдумать и сделать.

– Кирилл узнал и у матери спросил, почему она так сделала, вот и огреб по самое не балуйся. Я с работы вернулся, его нет, Лиля молчит, сказала только, что из дома выгнала.

– И много еще чего ему наговорила, Вов. Так нельзя, он же ей не мальчик для битья, а ты все молчишь, не заступаешься, а, значит, виноват не меньше! Жить Кирилл будет у меня, раз родителям не нужен.

– Спасибо, что ты... Я думал, не согласишься. – Он в карман полез за бумажником.

– Деньги свои в задницу себе засунь, Вова, понял?! Сама обеспечу, к вам он больше не поедет, я настаивать на этом не буду, если только сам захочет. И Лиле лучше тут не появляться, постарайся донести эту мысль до нее так, чтоб запомнила и поняла, иначе затаскаю по судам, ты меня знаешь, я могу!

– Чертова баба, ты свою семью не уберегла и в моей снова копаешься, не надоело еще?

Слушать его больше не стала, вернулась в квартиру и застала возле двери сонного Кирилла. Он молча смотрел, а в глазах стояли слезы. Обидные детские слезы от несправедливости, от нелюбви собственных родителей, что так быстро сплывали его практически на чужого человека.

– Кирюша... – тихо позвала и потянула его за руку к себе.

– Ты же меня не оставишь? – тихо пробормотал он,

уткнувшись мокрой щекой в шею, у меня самой от этого безнадёжного шепота сердце замерло, да так и застыло. – Не бросишь?

– Не брошу. Иди спать, ладно? – отодвинула от себя, ладони на щеки положила и заглянула в очень грустные глаза, – Завтра утром поговорим и все решим, ты жить со мной будешь теперь, а с остальным решим, ладно?

Молча кивнул, развернулся и ушел в комнату, вряд ли спать. Будет теперь полночи сидеть, хотя, учитывая, что при мне этот уж никак не сублильный молодой человек выпил водки, и только уже хорошо захмелевшим рассказал все, то, может, и уснет. Стресс, нервы, это представление на площадке... надеюсь, уснет и проспит до утра спокойно, а мне даст подумать.

Возвращаясь на кухню на какой-то момент, увлекшись размышлениями, забыла о Диме, но вспомнила о его присутствии сразу, как натолкнулась на сверкающий яростью темно-карий взгляд и противную до зубовного скрежета улыбку:

– Ты, значит, решила новую семью завести? Мать Тереза чертова! Конечно, зачем тебе муж и ребенок маленький, если у тебя уже практически все есть. Так, что ли? Ты ради этого вернулась и уезжать не хочешь? Из-за Кирилла? – подскочил ко мне, схватил больно за плечи, встряхнул, – Таня, он чужой ребенок, понимаешь? Чужой! А ты отказываешься завести своего, родного, от меня. Твоим он никогда не будет, понимаешь? Лиля успокоится, и он вернется обратно, а ты с

чем останешься? Так было уже много раз, но ты не его мать, ты, по сути, чужой человек и лезешь в чужую семью, а на свою плюешь!

Мне казалось, что злиться и ненавидеть его больше, чем есть сейчас невозможно, но поняла, что не права. Каждое произнесенное им слово, каленым железом, выжигало что-то в сердце, а оно, бедное, все билось и искало ему и этим жалящим словам оправдания. Что он обижен, что он одинок, что от собственных ошибок злость свою вымещает на другом, на мне, но и у моего запаса прочности есть предел и, видимо, он достигнут.

– Ты решил про семью мне напомнить? Про детей? Я своей вины не отрицаю, надо было остановить тебя и заставить выслушать, но ты ухватился за то, что услышал, за то, что хотел слышать и ушел мстить мне. Той, кто была столько лет твоей семьей. Ребенок маленький, говоришь, мне не нужен от тебя? А ты спрашивал, ты слушал, что я тебе говорила? – это была истерика, я уже не стеснялась разбудить кого-то, кричала ему в лицо, – Ты пошел трахать свою секретаршу, пошел делать ей детей, раз жена отказалась, да? А теперь явился сюда и тыкаешь мне в лицо свои обвинения? Жизни меня учить будешь? Нет у тебя такого права, я свои обиды на других не переношу, не сплю со всеми подряд потому, что муж отказался от обещаний данных, или надо было поступить, как ты?

– Таня... – с предупреждением в голосе начал говорить он,

но я уже вошла в раж и остановиться было невозможно.

– Я не завожу новую семью, Дима, а восстанавливаю старую. Кирилл всегда присутствовал в МОЕЙ семье, и сейчас ему нужна помощь, и я помогу. Если он посчитает нужным уйти, значит, уйдет. Пусть я останусь одна, не впервой, переживу. Мать пережила, тебя вот тоже.

– Что ты несешь? При чем тут мама твоя? Я тебя не бросал, это ты уехала. Ты меня бросила!

– А мне нужно было остаться и смотреть, как ты свою злость на других бабах сгоняешь? Может, скажешь, что ни с кем не спал, а мне все приснилось? Не было у тебя ничего с этой? Не ты ей сказал волшебное «люблю, женюсь»?

– Я не говорил ей «люблю», никогда, слышишь?

– Не важно уже, ты с ней спал. Мне ее даже жалко, знаешь. Ты не только нашу жизнь разрушил, ты и ее подкосил.

– Не говори глупостей, успокойся.

– Это не глупости, а правда, – бушующий ураган уже начал успокаиваться, даже дышать стало легче, – После всего, хочешь сказать, она так и работает твоим секретарем? Или уволил без выходного пособия? Честно.

– Уволил.

– Вот, а говоришь «глупость». – Устало опустилась на стул возле него, сама того не замечая, склонила голову ему на плечо, и на несколько мучительно коротких минут мы замолчали, наслаждаясь тишиной и присутствием друг друга рядом. Совсем чуть-чуть тепла, так необходимого, чтоб за-

тем решительно подняться и, повернувшись к нему спиной, скрывая вновь набежавшие слезы, попросить: – Уйди, Дима. Ты делаешь мне слишком больно, пожалуйста, уйди.

И ничего другого не остается, кроме как бессильно вдавливать ногти в собственные ладони, удерживать себя, чтоб не кинуться догонять его и продлить минуты тишины еще немного. Лишнее это, только душу себе рвать.

Так и стояла, когда услышала тихий щелчок дверного замка. Ушел. И уже после позволила себе сползти по стеночке, опуститься на холодный пол, и, уткнувшись лицом в колени, рыдать беззвучно. Выпускать наружу то, что так долго копилось, что душу травило и рвало на части все это время. Выпускать и, к сожалению, не чувствовать желанного облегчения, не чувствовать так необходимого тепла и от этого рыдать еще сильнее, сдерживая рвущийся из горла вой, вой тоски потому, что единственный в мире человек, способный это тепло дать, только что тихо вышел за порог твоего дома и ты сама его прогнала... И остается только сидеть на холодном полу и давить в себе желание кричать и выть от тоски, от бессилия, от холода в душе, от того, что как бы сильно не хотелось, так и не смогла найти в себе силы, чтобы его простить. Не для того, чтобы вернуться, а для себя, чтобы самой стало легче жить. Чтобы улыбки были искренними, чтоб радость на лице была не напускной и притворной, чтоб свободно дышать и знать, что ничего не гнетет, и нет той любви в тебе больше, пережила и отпустила.

Сделать это не представлялось возможным, оттого и сидела, раскачиваясь на полу собственной кухни, давясь слезами и криками и не заметила, как появился Кирилл, не сопротивлялась, когда он меня поднял, усадил на диван и обнял, стараясь хотя бы так облегчить боль.

Сколько они так просидели, Кирилл затруднялся ответить, просто обнимал женщину, которую давно считает матерью, обнимал, а у самого кулаки чесались разукрасить дяде Диме морду. Хорошо, что она уже успокоилась и теперь затихла, засыпая. Пусть лучше спит, чем то, что он увидел, когда пошел на кухню посмотреть, все ли в порядке.

Он собой не гордился, но разговор их подслушал, не из праздного любопытства. Ему важно было знать, что случилось и почему Таня вернулась в город такой не настоящей.

* * *

Было начало сентября, как раз закончились уроки, они с ребятами выходили из школы, когда он заметил за воротами на парковке возле поликлиники знакомую фигуру, и не совсем осознавая, что делает, бросился бежать к ней, не думал, что будет делать, если ему привиделось, просто летел, как сумасшедший, к облокотившейся на капот машины, женщине, а когда до нее оставалась пара метров, замер, не веря собственным глазам. Молчание, и все,— снова полетел:

– Вернулась! – кинулся ее обнимать, подхватил и начал кружить, – Вернулась!

– Вернулась, Кирюшка, – грустно ответила и выдавила из себя улыбку.

* * *

Таня теперь постоянно улыбки именно выдавливала, но не улыбалась. Если только совсем редко. Он не понимал от чего, а теперь, услышав обрывки разговора, понял и разозлился еще сильнее.

Еще когда Таня только замуж собиралась, желание побить мужчину проявилось с такой силой, что было сложно удержаться, а сейчас и подавно. Останавливало только одно: Таня разозлится, а злая Таня для него – это очень плохо. Ему, конечно, сейчас не восемь лет, и она не даст ему по попе, но видеть в ее глазах разочарование он не мог, да никогда и не хотел. И что делать в такой ситуации, как помочь самому дорогому человеку, -не знал.

Утром проснулась, как после запойной недели, не иначе. Рожа опухшая, глаза красные, во рту сухо, как в пустыне, в общем, разложение личности на лицо, так сказать, даже жалко, что не напилась, так хоть был бы понятен такой ви-

док с утра. Это в восемнадцать можно гулять ночь напролет, проснуться и идти по своим делам, как говорится, с небрежной прической, творческий беспорядок: лицо умыла и пошла. С возрастом такие вещи уже не сотворишь, с утра без душа и укладки выглядеть хорошо проблематично. И пусть мне далеко не сорок, но и в двадцать восемь ночь слез налегает свой отпечаток.

Лучше от этого мне не стало, но эмоции чуть спустила с поводка и дышится немного легче, уже радуется. Те мысли, что не дают покоя, душу бередают, сегодня закрываются в такую малюсенькую коробку в уголке моего сознания, и не тревожат меня до ночи... день будет нелегким. Критически обзрев себя, фыркнула отражению. Душ холодный не только бодрит, но и мысли в порядок приводит. Так что на кухню я вышла уже оптимистично настроенная, планов великое множество, и все их надо приводить в жизнь, тут главное определиться с приоритетами, чтоб ничего не забыть и никого ненароком не обидеть.

Кириуха дрых так, что аж на кухне его сопение слышно было. Завтрак я готовила на двоих, так что дать проспать все на свете ему сегодня не суждено.

– Кирилл Владимирович, подъем! Нас ждут великие дела! – от моих слов парень отмахнулся, только закопался под подушку. Ничего-ничего и не таких будили. – Не встанешь, я тебе гимн революционеров спою, а слуха у меня нет, ты ж

знаешь.

Угроза возымела действие и тело, нехотя, вылезло из-под одеяла, разлепив один глаз и, посмотрев на меня ну очень выразительно, — что, примерно, он хочет мне сказать я представляла, — потому сгнула с глаз долой доготавливать завтрак.

— Знаешь, Таня, я всегда считал тебя добрейшим души человеком, но с возрастом и доброта проходит, да? Старость не радость?!

— Ах ты ж, паразит, завтраки будешь сам себе готовить, понял?! Возраст ему, видите ли, не нравится, капец, — за слова свои он схлопотал кухонным полотенцем по мягкому месту, но за стол сел и с аппетитом начал уминать сырники, — И посуду тогда моешь.

— Жестокая ты женщина, готовишь, правда, вкусно. А варенья нет?

— Нет, но куплю сегодня.

Дальше завтракали молча, старательно делая вид, что такое положение вещей нормально и нет тут ничего необычного, мы так всю его жизнь и жили, и слез моих вчерашних тоже не было.

Приоритеты расставлены...

Первым делом мне надо было смотаться на работу, хоть и выходной, но вчерашний инцидент на дороге требовал срочных мер. Наши архаровцы уже работают, уверена, осталось дело за малым, то есть посмотреть все документы этого кон-

кретного контракта, проверить оплаченные счета, составить документ по издержке при разрыве договора в одностороннем порядке и отправить кого-то с этим делом в офис нашего бывшего клиента. Еще не забыть прочесть заявление для журналистов, если таковые появятся у нас на пороге. Вообще-то, представитель следственного комитета обычно такие вещи делает, но в новостях вчера ничего не было, а значит, нужно быть готовыми и к такому повороту событий. Вторым номером в нашей сегодняшней программе – перепланировка гостевой в комнату Кирилла: надо кровать другую, там диван раскладывается, но он маленький для него, ноги свисать будут, шкаф побольше тоже необходим, компьютерный стол, кресло... и с вещами определиться... что делать. Этим вопросом его и озадачила, в ответ получила забавную моську на лице и глаза по пять копеек:

– Ты же не серьезно? Мне неудобно так, поживу в общежитии, не страшно, – говорил уверенно вроде, а глаза грустные-грустные. – Тань, правда, все нормально будет. Как-то переживу пару лет, работать буду, квартиру сниму, может... позже.

– Ты давай без вот этих глупостей своих, если бы я не хотела, не предлагала бы. Нам, за выходные, все сделать надо, чтоб ты спокойно в школу ходил и к экзаменам готовился. Репетитор по истории и обществознанию, да? – в ответ кивнул, – Когда соберешься, скажешь, сколько денег надо, нам бы еще в банк заскочить и карточку на твое имя сделать, до-

кументы с собой или дома оставил?

– Нет, Тань, я так не могу. Ты...ты не чужая мне, но я же... я же не твой, и как-то... я что-то придумаю, па... па-па помогать будет, не откажется. Не надо, ладно? – с несвойственной робостью опять затянул он.

– Я повторять больше не буду, так что запоминай, а лучше запиши и больше такие вещи мне не говори. Ты мне как брат младший, помогу всем, чем смогу, – всегда. На отца не рассчитывай, первое время он помогать будет, а потом что? Первый год в университете будет сложным, тебе учиться надо, если хочешь в будущем добиться чего-то, а не работать официантом в какой-то кафешке, понимаешь? Деньги не проблема, не обеднею, на жизнь нам с тобой хватит, машины-квартиры тебе купить не смогу, конечно, это уж ты сам как-то, но образование и возможность успешной карьеры обеспечу, договорились? Я тебя люблю и буду помогать до тех пор, пока ты будешь в моей помощи нуждаться, – пока я говорила, он посуду помыть успел и слушал вполуха, но спина напряжена была так, что становилось ясно, ловит каждое слов и запоминает, – Так что с вещами и документами? Еще ж учебники, да?

– Может, я сам съезжу, заберу все?

– Ты с вещами в автобусе трястись будешь, или, может, у тебя суперспособности бабушек, которые такие баулы в любое время года в любом транспорте таскают? Нет? Вот и я так думаю. На машине завезем все.

Он кивнул, но не сказать, что слишком был доволен. Подошел, коротко стиснул в объятиях, пробурчал что-то по поводу моего старения, потому как кости от такого стискивания громко хрустнули, а мне, от этого незамысловатого выражения признательности и благодарности, на душе стало теплее.

Пока кое-кто, не будем показывать пальцем, кто именно, чистил зубы и принимал душ, я позвонила в фирму, что делала мне ремонт и попросила после обеда прислать пару рабочих, чтоб оттащили ненужную мебель к нам в офис. Саныч никак не расщедритсЯ на новый диван для комнаты отдыха, а моим гениям юриспруденции книжный шкаф лишним тоже не будет. Осталось решить, куда деть шкаф для одежды,— не выбрасывать же, новый совсем. Спрошу у нашей Леонидовны, может, сгодится на что.

Кирилла подбросила до дома, а сама свинтила на работу, от греха, так сказать. Попросила позвонить, как будет готов. Лучше на работе делами заняться, а потом лясы с мужиками поточить, чем под окнами куковать и ожидать от Лильки какой-нибудь гадости,— беременность ее характер не смягчила — это факт.

В офисе было тихо, но не пусто, что одновременно и порадовало, и не очень. Работали мы по особому графику, в праздничные и выходные, если выпадали на субботу-понедельник, то Саныч разрешал субботу отработать как положено и три дня гулять смело, в дни не праздничные, в субботу,

в офисе оставалось по одному сотруднику с каждого отдела, плюс наш секретарь Тамара Леонидовна и уборщица тетька Люся, архаровцы же на своих постах находились постоянно, меняясь посменно на каждом объекте. В общем, народу тьма-тьмушая работает. Если затаились по кабинетам, даже девчонки из бухгалтерии, значит, босс в гневе, рыщет, кому бы по шапке надавать. Такое случается нечасто, но на Саныча, бывает, находит, и в нем просыпается изверг-начальник, гроза всех лентяев и тунеядцев, вот и мне под раздачу попастись повезло:

– Явилась? Я уж думал, не придешь, – уволю к чертовой матери! Контракт не разобрала, мне за вечер и словечка не сказала и не написала, думал, – все! Опять в Москву намылилась, -фить, -улетела моя девочка, снова. – Грозно рыкнул, даже кулаком по столу стукнуть успел.

– Царь-батюшка, не вели казнить, вели слово молвить! – и, как полагается, поклонилась, да так, что в спине хрустнуло что-то. Саныч от такого только недовольно крякнул и махнул рукой.

– Дать бы тебе ремня, так, чтоб неделю сидеть не могла, а еще начальница, не стыдно? Ёрничает она мне тут.

– Стыдно, когда видно! Слышал такое? А у меня все чин по чину, скромно, но со вкусом. – Еще покрутилась вокруг своей оси, чтоб наглядно продемонстрировать любимый деловой костюм приятного бежевого оттенка из натурального льна и шелковой блузы под жакетом.

– С возрастом у тебя характер противней стал, слыхала такое? – снова подколот.

– А ты мой возраст не тронь, за своим следи, твой характер тоже не сахар, знаешь ли, вон девчат всех по кабинетам разогнал, жалко тебе, что ли, чтоб бабы языками почесали, или у нас внеплановая налоговая проверка скоро?

– Сплюнь, а то накаркаешь мне еще.

– А чего накаркаю, или есть, что прятать? – мое ехидство было пропущено мимо ушей, но маленькая словесная баталия Саныча немного расслабила, – А если серьезно, чего такой хмурый то?

– А чего не хмуриться, если мы в дерьмо какое-то влезли? Олег этих любителей экстремального вождения не нашел, осталась надежда на доблестную гвардию дорог русских, но надежда так себе, хиленькая, праздники же, кому работать охота? Вот и я думаю, что никому. Не наши это были, думаю, не стали бы с москвичами связываться. Тем более, что Дима твой...

– Он не мой, Саныч.

– Да? А по-моему, говорящий. – Съездив он, – В общем, Дима в нашем регионе не новичок, они коттеджный поселок, за дамбой который, строили пару лет назад, ну ты знаешь, наверное.

– Возле Лесного, который? Да, только не пару, а если быть точным, то семь лет назад.

– Не суть, местные помнить должны, там поселок-то ого-

го, элита наша проживает, у губернатора домик на жену оформлен.

– Теперь понятно, чего Завьялов вчера суетился, намечается прибыль в нашенскую государственную казну... и прибыль немалая.

– Ты мне вот что скажи, с документами у нас в порядке все будет?

– Обижаешь, сейчас кое-что проверю, на всякий случай, и можно счет выставлять. Олег на месте, кстати?

– Да, а что?

– Дело есть. – Уже выходя из кабинета царя-батюшки, натолкнулась на своего зама Степана Ильича. Дал бог отчество, конечно, его иначе, как Ильич, не звали, но мне вроде как не пристало, начальник все-таки, потому звала по имени, иногда, правда, с языка так и рвалось Степана Разина на разбор полетов позвать, но пока ум за разум не зашел, некое подобие субординации у нас в коллективе присутствовало. – О, на ловца и зверь бежит. Пойдемте, товарищ Степан, просмотрим один документик.

Дело сдвинулось с мертвой точки, за два часа мы с товарищем Степаном, тот, который Разин, разобрались с нужной макулатурой, составили новую, очень для нас ценную и, помяясь, отправила я Степана в обитель злостного нарушителя весомых пунктов контракта, предполагающий для нас сумму неустойки цифрой с шестью нулями, что грело наши

сердца и желудки. Премию для своего отдела мы, можно сказать, только что накатали на бумаге приличную.

У Сан Саныча связей обширных в разных кругах много, так что к пресс-секретарю администрации нашего губернатора я дозвонилась довольно быстро и разговор наш был плодотворным. Я, как юридический представитель строительного холдинга «Стандарт», гарантировала соблюдение договора между компанией и администрацией, а вот милая, но очень властная женщина Светлана Андреевна клятвенно заверила меня уже в существенной поддержке нашей фирмы в том случае, если возникнут проблемы с расследованием «такого ужасного происшествия» с участием сотрудников нашей фирмы. Мы помогаем им, они помогают нам, прелестно.

К тому времени, как позвонил Кирилл, я уже проинформировала Олега о том, что мне необходимо. Грызли меня сомнения по поводу спокойного водворения Кирилла на новое место жительства без скандалов и драк, как бы грустно это не звучало, но мне нужна была поддержка более внушительная. А Олег был внушительным, эдакая современная реинкарнация Ильи Муромца: ручки огромные, шея бычья, кося сажень в плечах, кулаки пудовые, нос, ломаный несколько раз, лицо приплюснутое, широкий лоб, челюсть тоже широкая, хмурый взгляд синих глаз и можно сразу гроб заказывать, но на подбородке милая ямочка, что портила всякое грозное впечатление, смешно, если честно. Сам по себе он

далеко не грозный, просто не везло ему с бабами все никак, от того сатанел мужик, и впечатление опасное вокруг него создавалось.

Помню, было дело, закадрить меня пытался, я месяц как работала, а Саныч возьми ему и ляпни, мол, девица-красавица замужем, любовь-тоска ее снедает, и дальше, как у Пушкина, мужик опечалился, но продлилось это не долго, а закончилось традицией собираться у меня дома по пятницам и пить, кому что больше нравится. Дом, где мы с Кириллом теперь живем, охраняется нашими ребятами и Олега они пропустили не задумываясь, а тот заявился ко мне домой с водкой и закуской в виде киевского торта,— где купил такую вкуснятину, до сих пор мне не признался,— но раз в месяц торт с собой приносит, так вот, пришел он тогда ко мне в печали на свою одинокую долю, облегчил душу рассказом про неверную жену и любовницу, тоже неверную, кстати... и я вот его не люблю... такая вышла грустная история. И смех, и грех с ним, честное слово, но с тех пор они с Санычем у меня гости частые, мы друг другу скрашиваем одинокие вечера, да и дни тоже, до ночей точно не дойдет, но Саныч пару раз шутил, что еще годик-другой, и заживем мы все вместе где-нибудь в дачном поселке, заведем собаку и будем коротать всю оставшуюся жизнь, трепля друг другу нервы, но делать это будем по-семейному, с любовью.

К Олегу я привыкла, он ко мне тоже, потому согласился прокатиться за Кириллом без лишних разговоров, даже

предложил парня под свою опеку взять, в том плане, чтоб в зал наш ходил, учился защищать себя. Кирилл в школе играл только в футбол, ему хватало, но, если захочет, я только «за».

Как я подозревала, без эпичной драмы не обошлось. Кирилла мы подобрали в парке возле университета, парень радостным не выглядел.

– Вещи где?

– Документы я забрал, учебники в рюкзаке, а шмотки... – вздохнул и отвернулся к окну, – шмотки валяются на улице.

– Она совсем спятила, что ли? Выбросила?

– Я собирать начал, а она увидела, кричала, что права не имею, на их деньги куплено все, меня толкнула, собрала и выбросила с балкона все, даже ноут мой.

В зеркало заднего вида видела, как говорил, смотря в окно, как челюсть сжал, что желваки заходили. А меня по сердцу резануло. Олег промолчал, но посмотрел на парня уж очень жалостливо, правда, в таком отношении был не прав. Кирюхе не жалость нужна, а любовь родительская. Раньше хотя бы Вовка был на его стороне, Лиля-то всегда была с ним довольно холодна, порой, даже слишком равнодушна, и мое появление в их семье еще тогдашнего мальчишку, в некотором смысле, уберегло от многого, я старалась внимание не акцентировать, но отдавала ему все, что могла, в плане эмоций. Вовке, когда тот появился только, Лиля пыталась образцовой матерью казаться, но долго не продержалась, а мужик

он не слишком волевой, вот и закрутила она его. Но, правда, в семье появился какой-никакой отец, для мальчишки само это слово много значило и Вовка к нему хорошо относился, старался материнскую холодность компенсировать, как мог, от того теперешняя ситуация так больно ему сделала. И пусть сейчас он уже вырос, но это не значит, что в любви матери и отца нуждаться перестал. Да, есть я, но Дима правильно сказал, родителей я не заменю никогда, но хотя бы покажу, что и без этого можно жить, не дам ему себя травить теми мыслями, которые и у самой в голове вертелись, когда мне было чуть меньше, чем ему сейчас, -мне тогда никто помочь не мог, сама справлялась. А вот Кириллу такой жизни не желаю и сделаю все, что от меня зависит и в моих силах.

ГЛАВА 3

Два дня для него пролетели как минуты: дела, работа, решение проблем на месте, текучка в новом офисе, в Москве возникло пару вопросов, и они с Костей на пару думали часа два, как лучше поступить и сделать, чтоб и своего не отдать и чужого не тронуть. К выводу пришли не утешительному, — что-то затевалось вокруг них. Уж больно резво все закрутилось здесь и там, пришлось попросить начальника безопасности усилить охрану в столице, прошерстить коллектив на неожиданности, в общем то, что Руслан умеет и любит делать, а то в последнее время у них тишь да гладь, а так хоть растрясет осиное гнездо, парней погоняет.

С прокуратурой, правда, так весело и быстро разобраться не удалось, были у него сомнения, что Завьялов сработает как нужно. Но, Таня женщина умная и очень способная, —это для него не секрет, а вот такая оперативность и связи с администрацией, да... удивила и приятно этим поразила. Высказала позицию их фирмы, сделала открытое заявление, не сама конечно, но откуда ноги растут ему шепнули по секрету и от такого жеста, пусть и связанного с работой, ему стало безумно приятно. Возвращаясь к следствию: посоветовавшись с Русланом, они сошлись во мнении, что развлекались на дороге типы залетные, а значит местным властям найти их

будет проблематично, другое дело люди Руслана и его связи в определенных кругах, такие связи открыто не афишируются, но в ситуациях, как сейчас без подобной помощи не обойтись малыми жертвами.

Люди и техника не должны простаивать – это деньги и время, зря потраченное. Пока не сезон дождей и гроз, должны быть готовы котлованы, заливаться фундамент, проложены первичные коммуникации. Задач много, времени наоборот мало, работать надо в авральном режиме, то есть нанимать еще людей, чтоб работали посменно.

Он, собственно, этим и занимался, не лично, конечно, но курировал работу нового персонала, – тех, кого они перевели сюда из Москвы недостаточно и доверия, в связи с последними событиями, у них с Костей к людям поубавилось. Как-то так повелось, если начинается маломальская свистопляска, – дело брать в свои руки. По понятным причинам, сам Дима не может присутствовать в Москве, а Костя быть здесь, – наоборот было б лучше конечно, – но, когда решается вопрос семьи, тут уже никак не поменять ни место, ни время...

Это была акция устрашения, демонстрация власти, уж никак не попытка убийства, но теперь приходится быть очень аккуратными и внимательными. С проблемой они разберутся, о своей безопасности он не переживал вовсе, а вот о Татьяне думал постоянно. Потому и спросил можно ли приставить к ней людей, незаметно так, но ему будет гораздо спокойней, зная, что она в относительной безопасности. Тот

охранник, что встречал их в аэропорту, Олег, ответил, что за Татьяной с самого ее приезда всегда следят их люди, так на всякий случай, мало ли шпаны кругом. На этом он успокоился, но исходящую от этого Олега неприязнь после разговора ощущал слишком явно, решил разберется потом, так и не разобрался, из головы вылетело.

Единственное, что из головы у него не выходило и постоянно крутилось в мыслях, это фраза: «мать пережила, и тебя тоже». Он не понимал, крутил весь их разговор, думал над каждым произнесенным и услышанным от нее словом... и не понимал, почему она так сказала. Отчего в ней полыхнула такая жгучая обида, что он посчитал лучшим оставить ее на пару дней в покое, чтоб остыла и приняла его присутствие без лишних эмоций, готовая к открытому и честному диалогу.

Кому, как не мужу знать характер и тараканы родной жены? Он ошибся где-то, не досмотрел, не увидел или не услышал, проворонил моменты, когда отдалились, совершил несколько ошибок подряд и к чему это привело? Они перестали друг друга понимать, он уж точно не понимал откуда взялась обида на мать, — на него понимал, даже в некоторой степени был рад ее не радостным эмоциям. Для него это значило возможность прощения, шанс на новое начало для них обоих. Пусть сердится, гневается, плюется ядом и желчью, злится, ненавидит его, он переживет все ...и каждое оскорбление, каждую эмоцию примет с благодарностью.

Себе мог признаться, как сильно боялся приезжать сюда, как нервничал, злился из-за этого, но боялся подписывать контракт на заказ в этом городе. Знал, что не удержится и ринется на пролом к той, что дороже всего на свете,— так и вышло по сути, с оговорками конечно, но так и вышло. Страх никуда не делся, и когда увидел ее машину, увидел ее саму: жутко похудевшую, осунувшуюся, бледную, с немного впалыми щеками, но до боли родную, — пропал... страх затопил голову. И встретил ее спиной, затылком ощущая ее присутствие в кабинете, но лицом повернуться и заглянуть в глаза, боялся. Увидеть равнодушие, спокойствие, невозмутимость, холодный расчет — опасался этих проявлений. Если бы увидел, значит конец. Ничего не исправить, не построить заново. С ее равнодушием он бы никогда справиться не сумел, однозначно.

Но, заглянув в родные глаза, его такими эмоциями обдало, что из легких воздух вышибло напрочь на несколько длительных секунд, а потом его девочка взяла себя в руки, напустила спокойствия и принялась за свою работу.

А вечером, когда ему было тяжелей всего, поехал к ней и вот там на него обрушилась вся мощь его любимой женщины. Всегда такой она была или нет, но про эту особенность жены накапливать, а потом взрываться он помнил прекрасно, обычно боролся с такими вещами в несколько другой плоскости, но переводить все к постели не стал, этого она точно не простила бы. Оставалось молча слушать сначала ее,

потом Вовку, потом снова ее.

С ней по-другому нельзя,— либо терпишь пока достаточно накопится и потом наслаждаешься извержением вулкана, либо доводишь ее сам и сразу становится понятно, что копилось там внутри, куда она пускает с очень большой осторожностью. Вот он и говорил то, что выводило ее из себя, давил. И собирался надавить еще больше, почву из-под ног вышибет, чтоб ее проняло да так сильно... кто-то посчитает его дураком, зачем злить и так злую женщину, но так будет лучше в первую очередь для нее самой. Он понимал положение дел с Кириллом: она его любит как брата младшего, будет помогать, любить, заботиться, но сама ситуация будет давить. Никогда Таня не вмешается в отношение родителей к парню, не скажет открыто, что о них думает и это будет давить, еще и он сам... ее эмоции и на его счет. Не выдержит и захлопнется, как в ракушку спрячется и все, даже Кирилл не поможет. Поэтому будет давить и снова давить, не отступится.

Результат превзошел всякие ожидания, непонимание между ними росло в масштабах геометрической прогрессии, что никак не могло принести ему хоть какой-то радости.

Все прокручивал ее фразу, или оговорку скорее, а сам вспоминал как они познакомились...

История их совместного будущего началась грустно, как-то неправильно. Молодая обладательница красного дипло-

ма юридического факультета РУДНа устроилась к ним помощником юриста, работала хорошо, никаких жалоб. Девочка способная, Костя хвастался новым приобретением ценного кадра и Дима на этого кадра решил взглянуть лично, не верилось, что умная, красивая, на мужиков не вешается, — сокровище, одним словом-, работает у них помощником юриста. Ошибся... с ней он постоянно ошибался.

Увидел и пропал. Вот так и случилось: посмотрел в глаза — зеленые, темные, с поволокой какой-то, скрытой внутри тайной, с болью, грустью, сомнениями, — и пропал. Только потом обратил внимание на все остальное, безусловно она для него самая прекрасная и желанная женщина на свете, но глаза... в них он влюбился.

Она внимания на грозного начальника не обратила: да познакомились, перекинулись парой дежурных фраз, и на этом все. Никаких хлопающих ресниц, смущенных потупленных глаз, лишь равнодушное спокойствие, направленное именно на него.

Сказать, что его самолюбие не было задето, будет сильным преуменьшением. Недолго думая, запросил личное дело, прочитал, впечатлился. В одном крупном городе этой милой девушке принадлежат активы очень перспективной фирмы, но там она не работала, а своего стала добиваться сама, достижения в университете тоже не оставили равнодушным. Девушка-загадка.

Месяц ходил вокруг да около, приглашал на свидания,

ужины, прогулки, но девушка соглашалась только провести вместе обед,— он и такому был рад. Дарил цветы, пока не выяснил, что цветы она не очень любит, сама со смехом призналась, что слабостей у нее немного, но вкусные сладости среди них. Лично искал что-то необычное, вкусное, чтоб порадовать, добиться улыбки и румянца на щеках. Ее улыбка, еще одна поразительная черта в ней, —когда эта женщина улыбается в нем самом будто сердце замирает, а биться после начинает как-то по-особенному трепетно и бьется только для нее одной. Впервые заметил за собой ревность...именно к улыбке, ему хотелось чтоб она улыбалась только для него одного и все тут, ни для кого больше. Все улыбки только ему, радостные или грустные, не важно, но для него одного чтоб были. Косте готов был люлей навалить потому, что увидел как она ему улыбнулась. Сумасшествие!

Добивался, радовался и продолжал дальше узнавать ее, не заметил, как пролетел месяц, другой, и уже без этих обедов жизни не видел. Знал, как жила до переезда, кем работала, про мальчика Кирилла к которому по глупости даже приревновал однажды, услышав их разговор по телефону, но про семью молчала, обходилась общими, ничего не значащими фразами, сказала лишь про смерть отца, про мать, что осталась в другом городе и все. Есть некий дядя Саша или Сан Саныч, друг умершего отца, заодно занявшийся бизнесом после смерти Юрия Николаевича, еще пара человек,—седьмая вода на киселе, больше никакой родни и шибко близких

друзей. Про Маришку рассказала гораздо позже, это потом он понял, что так она показала, что верит и готова дальше ему открываться.

Он аккуратно интересовался ее жизнью, узнавал, запоминал, ждал пока она начнет сама проявлять эмоции к нему. Ждал зря, не того она склада человек, чтоб открыто проявлять привязанности и эмоции. За неспешными беседами они много узнали друг о друге. Дима так вообще ничего не скрывал, с удовольствием делился воспоминаниями о своей семье, разводе родителей, о Косте, его родителях, младшем брате. Как бизнес начали, почему решили именно в строительство вложиться, зачем.

Как-то заметил, что про отца его девочка говорит охотней, но с такой грустью... подумал и решил ладно, со временем узнает больше, зачем портить ей, а соответственно себе настроение.

У них все происходило очень медленно и неспешно. В какой-то момент решительно пригласил ее на ужин, и она дала свое согласие. В тот же вечер, провожая ее к съемной квартире поцеловал.

Не знал, что так бывает. Оказывается, он вообще мало, что знал о чувствах, ощущениях и поцелуях в частности. Вот не знал и все. Потом дошло, что вся палитра красок зависит от того, кого именно обнимаешь, берешь за руку, просто чувствуешь чьи-то касания, ответные, нежные, робкие, а порой настойчивые и очень страстные. С ней он все это ощу-

щал и видел, что и сама Татьяна по нему так же сходит с ума. Замечал, как вдыхает его запах тайком, как пальцы на руках сжимает, когда он ее целует. Видел, подмечал и тихо млеет.

Решал, планировал как дальше будет, к себе прислушивался. С ума сходил как хотел ее, но не собирался пугать таким сильным желанием, молодая же, не опытная по сути своей. А случилось все неожиданно и так, что думал сердце остановится.

Первый секс на ее кухне, не совсем то, чего он добивался, но результат однозначно порадовал.

Хотел провести до дверей квартиры, а остался до утра. Она его нагло соблазнила.

Отправила его руки мыть, а сама – чайник на кухне ставить. Ага, в ночной сорочке, которую даже он, со своим опытом, скромной точно не назовет. Белая кожа, атлас и черное кружево, что прикрывает, обрисовывая все тонкости фигурки, не так откровенно, но очень разгоняя воображение.

Он вышел из ванной, остолбенел, замер пытаясь заново научиться дышать, а эта сирена, голосом и глазами заворочила:

– Ты меня любить будешь, глупый?

Как тут откажешь? Любил и такой неотразимой, и другой, смущающейся своей наготы и такого явного желания продолжить после. Любую ее любил, жизни не видел без нее, себя в мире ощущал не так, если ее долго не видел и не слышал. Она его воздух, его кровь, -все довольно просто и понятно.

Наутро их жизнь перевернулась, тут уместно бы сказать, что все было правильно, он нашел свое место в жизни, готов завести семью. А злосчастный звонок погрузил его в такое отчаянье, бессилие и страх... не за себя, за нее.

Ее мать, Полина Викторовна, умерла ночью во сне, просто тихо ушла, – это ей сообщил Сан Саныч, утром.

Дима сначала не понял, что произошло... уже потом, когда пытался уговорить ее выйти из ванной, где она просидела часа три, сообразил позвонить тому, кто ей звонил и узнать, какого черта происходит.

Узнал, не понимал, что делать, как помочь и облегчить ее потерю, как поддержать. А спустя три часа, когда он уже на стены начал бросаться, она вышла: тихая, спокойная, собранная, чужая женщина с абсолютно пустыми глазами. Кажется, она и его узнает с трудом, но нет... тихо попросила отвезти ее в аэропорт.

Не пустил, обнял, а в ответ тишина и никаких эмоций, будто кукла безвольная, а не человек. Пара часов на сборы, и они в самолете летят в ее город. Но она молчала... ни слова, ни звука. Хладнокровное спокойствие и тишина, вот тогда он испугался по-настоящему, – до крови, ледящей жилы, нервного зуда и всего остального.

По приезду лучше не стало, пытался растормошить, добился нервно подрагивающих пальцев и бледности лица, словно у покойницы.

Организацию похорон взял на себя Сан Саныч, тогда и

познакомились, -нормальный мужик, его сразу предупредил: обидишь – убью! Кирилл тоже, парнишкой оказался не плохим и очень смышленным, в чем-то напоминал саму Татьяну, объединяло их что-то общее, другим не ясное, от того Лиля, мать парня не сильно и стремилась быть ему матерью как таковой. Вовка ему не понравился – там все понятно: мужику столько лет, а его все Вовкой кличут, без уважения. Саныч, глядя на него чуть не сплюнул с досады.

Все это он заметил так, мимоходом,— главное беспокойство вызывало состояние Тани. Ее отстраненность никого не удивила, как он успел заметить и понять, разве, что Кирилл выглядел обеспокоенным и от Тани несколько дней не отходил, даже спал с ней. В квартире где они жили, Таня ночевать отказалась наотрез, ему самому, сопровождаемым Санычем пришлось заехать проверить что к чему, взять пару вещей. Поселились в гостинице, а Кирилл потащился с ними, так что бойкий паренек выселил его на диван, но он не возражал, потому что ночью услышал, как они там шептались, всхлипывали и шептались.

Не сказать, что он ревновал, но досада была сто процентов. С мальчишкой она говорила, плакала, а ему шиш – это было обидно, задело за живое, но он проглотил. С ним молчала и дальше, Кирилл так и был с ней до самого отъезда, такой верности и поддержки от пацана он не ожидал, остальные же опять не удивились такому поведению.

Похороны, поминки, девять дней – все молча, без эмоций.

Саныч с каждым днем становился похож на грозовую тучу, чуток и, –попадет всем. И попало... ему. После, тогда как Дима озвучил свое желание жениться на Тане.

– Ты ее не знаешь, а говоришь любишь, жениться хочешь. Ты ее то спросил? Или молчание знак согласия? Так это молчание не тот знак, она еще помолчит, а потом увидишь, такое выдаст, что сбежишь и, подальше.

– Сам разберусь, мы вместе, я ее не брошу.

– Ты значит у нас герой? – старый лис на него многозначительно глянул, выдержал мхатовскую паузу, и продолжил, но уже с явным предупреждением в голосе, – Отцу ее обещал позаботиться, да только, Полина ведь не дала, потом и к Таньке уже поздно было подход искать, выросла, теперь вот ты, герой, – насмешливо губы скривил, специально выделяя последнее слово, – жениться надумал. Спасать собираешься, а знаешь от чего спасать то надо? Смотри не перепутай, поздно будет потом менять, я тебя в бетон закатаю, как в старом добром кино, если девка через пару месяцев вернется с исковерканной душой, понял?

– Я ее люблю, и желаю только счастья.

– А если счастье ее не с тобой, что тогда? Если не справишься? У нее характер далеко не из самых легких, я ее люблю, но оцениваю объективно, и скажу, что в маленькой головке тараканов немерено, и ты, боюсь их не потянешь.

– Ради нее, потяну.

– Посмотрим... очень надеюсь, что ты прав.

На том и решили.

Свадьбы, как таковой у них не было, расписались в ЗАГСе спустя месяц после похорон. На предложение переехать к нему и пожениться- лишь молчаливый безразличный кивок.

Его матери, Таня не понравилась, отцу тоже, только на работе за босса порадовались, да еще Костя.

А ему было не до впечатления родственников, ему нужно было вытягивать из депрессии его Татьяну.

Еще месяц гробового молчания и его прорвало на первый семейный скандал.

В какой-то момент он устал. Устал ждать, уговаривать поест, сходить погулять, почитать, посидеть с ним. Устал чувствовать себя мамашей-наседкой для нерадивого дитя. Так продолжалось месяц, он психанул, не выдержал.

Он и так занимался всем: переездом, обустройством, ее состоянием, следил за каждым шагом, еще работа, а тут дома черт ногу сломит. Ей было все равно на все: на него, работу, дом, Кирилла, на себя саму.

Дима даже к психологу обратился, тот только взял денег за консультацию, ничего конкретного не сказав. Вот и сорвался. Орал, швырял вещи, тряс ее за плечи, потом снова орал, разгромил всю квартиру, наговорил ей гадостей, выплеснул все, что копилось и рвало на части. Так в любви никто не признается, а он смог. Бил посуду, кидая в стену, что под руку попадется и кричал, что ему не нужно ничего кроме нее, ее любви, счастья, только той прежней, его Татьяны, а

не суррогата.

Она его не слушала, даже не вздрогнула, когда он сметал все на своем пути. Дима к ночи успокоился и пошел спать, а ночью проснулся от того, что прогнулся матрас и она рядом легла, ближе придвинулась, обняла крепче, влажной щекой к его плечу прижалась:

– Я тебя тоже люблю, прости, – он опешил, прижал сильнее к себе, – И давай переедем, ладно? Мне тут не очень нравится.

Он смог лишь довольно улыбнуться и согласиться на переезд.

Так начался новый этап. Не сразу, постепенно, но все наладилось. Уже много недель спустя он убедился в словах Сан Саныча, -характер у его жены не сахар, но то, как она его любит, слепо, не слушая никого, доверяет ему... стоило того, чтоб немного потерпеть, пока она привыкнет к нему, к их жизни, к будущему.

Их ждало пять лет счастья. Он работал, она тоже, но все больше дома. В ней неуловимо что-то изменилось после похорон матери, – стала немного другой, но при этом настолько его, что жаловаться было глупо.

В каждом ее слове, взгляде, читалась любовь к нему, к их семье.

Не обходилось без ссор, даже скандалов, и не всегда был виноват он, Татьяна тоже в некоторых случаях была не пра-

ва. Но то как они ругались ему нравилось, он не мазохист или садист, нет. Только ведь она человек закрытый и немало времени прошло, прежде чем он понял, что с ним одним она другая становится. Наедине, без чужих взглядов и ушей, стала открыто проявлять чувства, не стесняясь и не боясь абсолютно никаких эмоций и желаний. Открыто заявляла, что ощущает, чего хочет от него или кого-то другого. Стала такой, какой он и представить себе не мог.

Могла неожиданно заявиться в офис, хотя с утра не собиралась, запереть дверь, скинуть плащ, остаться в одном нижнем белье, чулках и сказать, что жутко соскучилась и решила сделать себе приятное. Себе, а не ему... именно так.

Или сделать замечание, что его секретарша слишком молоденькая, со слишком влюбленными глазами, и ей это не нравится. Дима лишь смеялся над таким поведением, а сам с ума сходил от ее ревности, от ее страсти по ночам. Вообще то, что касалось секса, у них было всё отлично.

В быту все складывалось не так гладко первое время. Оказалось, готовить его жена терпеть не могла, о чём сразу ему сказала, но для него это делать было почему-то приятно. Такое заявление одновременно порадовало и огорчило. С одной стороны, он не хотел заставлять ее, с другой: рестораны – это конечно хорошо и вкусно, но жена готовит намного вкуснее. У нее даже брокколи вкусно получалось, про мясо и все остальное он промолчит. Странность оказалась в другом – для себя она готовить не любила, да и не готовила, блюла

фигуру, а его таким заявлением бесила. Поэтому, позже готовить учился уже он сам, чтоб сделать приятное жене.

Еще одно, что его категорично бесило первое время -это ее привычка спать под разными одеялами. Какая к черту разница, если к середине ночи она оказывалась на его стороне кровати, под его одеялом с ним в обнимку, спрашивается? Зачем заморачиваться такой фигней, если результат один и тот же? Но тут ему пришлось смириться, по-другому она просто не могла заснуть. Пару раз он затаскивал ее сразу к себе, но кто-то крутился и вертелся так, точно шило в одном месте, при этом задевая его локтями, коленями, аппетитной попой, грудью, да всем короче, не давая ему и себе спать. Пришлось смириться, – работать нормально после бессонной ночи было не просто.

И сейчас, прожив год без нее, он на многое поменял взгляд, переосмыслил, оценил. Дурак он, обычный дурак. Сам все испортил, сам сломал. Надо было подумать, да хоть тому же Саньчу позвонить, спросить, посоветоваться. Но гордость выиграла... эго. А теперь что? Пустая постель, пустой дом, жизнь пустая. Без нее он себя ощущал пустым, потому что так и было. Они срослись. Она у него под кожей, в крови, в сердце.

Как этот год прожил лучше не вспоминать, зверем на всех бросался сначала, потом под успокоился, но ходил ни живой,

ни мертвый, пустой. Знал, надо ехать, просить вернуться. Сначала решил просто забрать ее, не слушая ничего и никого. Запереть в доме и заставить выслушать, сам бы с ней оставался, и плевать на бизнес, на все, сидел бы и перед глазами маячил пока не простила бы. Костя мозги вправил, съездил по физиономии. Привел в себя, заставил утомониться и вернуться на работу, из запоя вывел, вернул в мир.

Дима решил дать ей год, не больше. Знал, что раньше нет смысла даже пытаться, потому что помнил и тот злосчастный разговор про ребенка, помнил свою злость и желание сделать ей так же больно как она ему, своим отказом завести их общее продолжение. Сказано – сделано.

Таня права была про Евгению, – влюбленная дура, а он и не подозревал насколько. Отделал ее на рабочем столе в офисе пару раз и забыл, пошел напился от того, что выворачивало от сделанного, и молился, чтоб Таня не поняла, не узнала. Дома появился только к обеду следующего дня, когда протрезвел, а там...пустота. Никого нет.

Тогда-то и дошло, что натворил. Злость согнал, пелена бешенства с глаз слетела и понял каких делов наворотил на самом деле.

Ее искали неделю.

Неделю без нее он с ума сходил от беспокойства, и бешенства одновременно. Еще была надежда, что ничего не поправимого не случилось.

Кредиткой, умная и предусмотрительная женщина, любя-

щая читать на ночь детективы и не только женские, воспользовалась только раз, – за два подхода сняла практически триста тысяч и укатила на машине в неизвестном направлении. Это уже потом ему Руслан рассказал, что нашли ее быстро, спустя два дня, но, когда увидели, решили дать время жене босса сбросить напряжение. За ней присматривали, но неделя в Сочи с бутылкой виски не дала желаемого результата и Диме сказали все как есть. Уехала в Сочи, сняла дорогой номер в отеле, пару дней пила, не вылезая из номера, а потом пошла кадрить мужиков. Самоубийц в отеле не оказалось, – двух здоровенных амбалов, постоянно находящихся рядом с очень красивой, но очень пьяной женщиной, видели даже слепые и обходили колоритную компанию десятой дорогой.

Когда за женой приехал Дима, охренели все и в первую очередь он сам. Увидеть живую пьяную, под завязку, Таню он не ожидал, то есть ему сказали, но он не поверил, а когда услышал ее слова, посмотрел в зеленые глаза и увидел там столько боли, гнева, ярости и неверия, что у самого язык к небу прилип, а руки опустились. Она знала, это читалось в ее глазах.

– Ты зачем здесь? Не мешай мне развлекаться, мне тут тааак хорошо, правда мальчики? – ее шатало, и она привалилась плечом к стоявшему рядом Валере, кокетливо ему подмигнула и снова посмотрела на мужа. – Так зачем ты здесь?

– За тобой... поедem домой, прошу.

– А разве у меня еще есть дом? – хрипло спросила и вни-

мательно посмотрела на него, этим взглядом ставя его на колени. – У меня больше нет дома и мужа тоже больше нет. Мужья женам не мстят, милый, неужели ты этого не знал?

– Не говори глупостей, поедem домой, мы все решим.

– А я уже все решила, правда Валерик? – тому оставалось только кивнуть, мужчине было ее жаль, за эти дни он многое увидел и услышал про босса и его жену, и честно говоря если б его так любили... ой, да что там говорить... какая разница? А вот ее жалко было, хорошая она. – Ответить той же монетой у меня не получилось, представляешь? После всего выпитого я все равно тебя одного люблю и хочу, а от других блевать тянет. Почему так? Странно, правда? Тебе самому от себя не тошно?

– Тошно.

– Чего ты от меня тогда ждешь? Ты мог просто попросить развод, а не спать с ней у меня за спиной, делая желанного ребенка. Ты мог мне сказать, черт тебя возьми! – вдруг заорала она и кинула в него бутылку, – Ты мог сказать. Зачем делать так больно? Разве я заслужила? Чем? Тем что так тебя люблю? Разве за это наказывают?

– Таня, я все объясню, мы все решим. – он попытался к ней подойти, но она отскочила.

– Не подходи ко мне, а лучше просто уйди и оставь в покое.

– Не могу уйти, без тебя не могу.

– Можешь, Дима, все ты можешь. И любовь твоя ничего

не стоит, раз даже понять меня не попытался, а сразу ушел, не выслушав. Не понимаю я, Валера, вас мужиков, ты тоже так свою любовь будешь жене показывать? Пойдешь изменять, предавать, убивать ее, чтоб место свое знала? – она обращалась к Валере, а смотрела на него. Дима даже пошевелиться боялся, потому что в глазах жены сверкало ничем не прикрытое безумие, откровенное безумие боли. – Мне вот интересно, а переспи я с тобой, а Валерик, он бы тоже приехал бы, позвал бы меня домой, после другого? Если бы меня целовал, ласкал другой?

– Замолчи, дура! Что ты несешь? Замолчи! – он кинулся к ней, но был перехвачен охранником, а жена отскочила еще дальше и начала смеяться. Нет, не так. Она начала хохотать, как безумная.

– А что ты злишься, дурачок? Представляешь, как он прикасался ко мне, тот мужчина? Как трогал меня здесь? – она остановилась напротив окна, смотрела внимательно на него, ожидая реакции на свои слова и действия. Провела рукой по щеке, легонько погладила ключицы и остановилась рукой на груди, легонько сжимая, при этом прикрывая глаза, пряча от него свое безумие, – Поцеловал здесь? Опустился ниже, помогая мне раздеться, положил на кровать и наконец смог поцеловать в губы, ты это представляешь да?

– Отпусти, Валера. – тот кивнул и из комнаты вышел, но дверь оставил закрытой и номер он не покинул.

– Думаешь тебя это спасет, Дима? Ты изменил мне в ре-

альности, а я мысленно переспала с сотней мужиков, позволяя иметь себя как им вздумается! – она кричала, а потом опять начала хохотать. Безумная, от этого он пришел в ужас.

Сумел подойти, схватить за руки чтоб не отбивалась и прижал к себе, начал говорить что-то успокаивая, клялся, что любит, что больше никогда ее не обидит, сделает все, что она хочет. Но понимания его слов в ее глазах не видел, она его будто не слышала. Вырывалась, царапала ногтями, даже кусалась как дикая кошка, и хохотала, продолжая описывать ему свои мысли по поводу ее воображаемых измен. Он, честное слово, старался не слушать этот пьяный бред, но стоило только представить в реальности то, что она так красочно воображала, и его узлом ярость скручивала и выворачивала наизнанку нутро. Его терпение лопнуло, больше слушать он не в силах и сделал единственное, что мог. Закрыл ее рот поцелуем, яростным, жгучим и полным обиды. В ответ его укусили, толкнули на кровать и начали раздевать.

Страсть, замешанная на боли, -такое с ними было впервые: новые ощущения, даже эйфория от прикосновений. То, как она изгибалась над ним, подставляя его губам свою грудь и стонала, стоило ему сильнее прикусить чувствительные соски, сносило всякий контроль к чертям.

Все было прекрасно ровно до того момента пока он не понял, как ему отомстили. Мерзость ситуации превышала все мыслимые пределы.

В один момент он смотрел на ее лицо, приоткрытые ис-

кусанные губы, быстро вздымающуюся грудь, влажный лоб, разметавшиеся по спине и лицу волосы, но глаза она не открывала. Сидела на нем верхом, наслаждалась его ласками... а представляла на его месте другого. Стоило ей открыть безумные зеленые глаза, в которых так явно проскочило зло-радство, как только она получила разрядку, как он понял, почему она так быстро успокоилась и затихла.

Да, вот теперь она отомстила.

Он почувствовал себя не предателем, а преданным ею. Захотелось срочно вымыться, смыть ощущение грязи, но он не шевелился. Смотрел в любимые глаза и молча соглашался со всем тем, что видел и читал на ее лице. В полной мере хлебнул того, во что сам окунул любимую женщину. Понял и простил ее за эту месть, за безумие, за все. И когда он это понял, она с него слезла, натянула на себя простынь, и тихо, но чтоб он услышал, сказала:

– Я хочу развод.

Вот так их брак треснул и раскололся. Та ссора, из-за его желания иметь детей... он много думал, решал для себя что делать, когда вернется за Таней, но ни к чему хорошему так и не додумался. В то, что она не хочет детей, в принципе он не верил, трудно такое представить, если знать и видеть ее отношение к детям чужим, да хоть того же Кирилла взять. Боится потолстеть? Опасается, но чего? Откровенно говоря, он не знал и не предполагал, что дети могут стать причиной

того, что происходит сейчас.

Он тогда разозлился на нее, не понял ее слов, что нужно подумать, подождать, решить готовы ли они и она сама к появлению ребенка. Он не понимал, что решать? Они любят друг друга, у них дом, квартира, машины, он зарабатывает на безбедное существование даже внукам. Поэтому не видел смысла ждать и что-то там думать. Ему бы сразу сообразить, что что-то не так. А он, одним словом... слово за слово, плюс эмоции и от гнева дышать трудно было. Психанул, уехал в офис, думал успокоится и все. А там задержалась Евгения с ее влюбленным взглядом... и его понесло. Он не мстил, он вообще не думал, просто тупо срывал злость и ничего больше. А эта курица догадалась утром позвонить Тане и сказать, что они поженятся, и она ему родит сына. С чего такая дурь он узнал гораздо позже, оказывается он не единственный кто удивлялся, что столько лет и не заводят они с Таней детей, – по компании ходили сплетни, что его жена просто их иметь не может и много еще таких же бредовых предположений.

Мимо него такие вещи проходили, но не мимо Тани, это тоже сыграло тогда роль, он так думает. Что делать сейчас не представлял, но прояснить вопрос с детьми надо. С самой Таней пока рано обсуждать что либо, но если он хочет вернуть свою женщину домой и быть с ней, то помощь придется просить, а он знал аж целого одного человека, кто мог хоть как-то пролить свет на эту ситуацию... ну и дать ему по морде заодно.

Пока он выиграет время, хотя бы недели две, чтоб их не развели, а сам хоть под пытками, хоть подкупом, но узнает все, что ему необходимо.

ГЛАВА 4

Никто и никогда не говорил, что жить с ребенком, пускай уже практически взрослым, – это так тяжело и весело одновременно. Раньше забота о Кирилле была немного другой, не такой щемящей сердце, – нежной, ласковой. Таня сама себе в этих переменах удивлялась. Такого отношения и ощущений к практически младшему брату никогда не было. А теперь целый ворох эмоций, переживаний, страхов – со всем не разобраться за раз.

Она волновалась. Очень. Было необычно отправлять его в школу с самого утра, хотя до этого он тоже ночевал, иногда, и шел в школу сразу из ее дома. А теперь, за эту неделю, когда утром, после завтрака, Кирилл говорил ей спасибо и целовал в щёку, сердце Тани переполнялось радостью и жалостью.

Радость дело ясное, а жалость – по отношению к себе и к Лиле. Саму себя жалеть она не привыкла, потому, в основном, пыталась разобраться с чувствами к матери Кирилла.

Хотелось вклеить ей затрещину, наорать, побить, потому что видела грустный взгляд парнишки, видела, но пока молчала. Когда будет готов высказаться, выслушает его непременно, а пока незачем лезть в душу, и так ему очень непросто. Раньше у него был родной дом, была уверенность в будущем. А теперь, пусть все и разрешилось наилучшим способом для всех, но уверенности и доверия к ним, как к

взрослым, нет. Обижаться на такую реакцию глупо, она естественна и пройдет со временем, как только Кирилл убедится, что сама Таня уже никуда от него не денется и будет с ним. С другой стороны, было чисто по-женски жаль, что, ожидая появления на свет дочери, Лиля сама лишила себя прекрасного сына. Лишила себя таких приятных завтраков, ужинов, разговоров, обсуждений выпускного, девчонок, поступления. Лишить себя такого из-за дурости, глупости, гордыни... как тут ее не жалеть?

В прошлом очень часто у Тани с языка хотел сорваться один важный вопрос, но вовремя она вспоминала, что по сути, чужая и права на такие разговоры не имеет. Это сейчас уже, став старше они на равных общались, но, когда работала на Липовых, женской дружбой и не пахло. Но спросить, наверное, стоило. Зачем Лилия рожала сына? Все никак не могла понять. Зачем? Кому и что она хотела доказать? С уверенностью можно утверждать, что дед и бабка Кирилла его появления не то чтобы ждали, но против точно не были. Лиле, за отсутствие мужа и отца для мальчика никто не упрекал, на аборт не отправлял. Сама, значит, хотела. А родила... что изменилось? Куда подевалась материнская любовь, привязанность? Почему осталась затаенная злоба на мальчишку, который виноват только в том, что родился?

Откровенно, — Лилия никогда особо любящей не была: послать мальчика на х*ен, матом поорать, когда ему нужно внимание, а она пришла с работы поздно и уставшая, — это в по-

рядке вещей. Подобное отношение к детям больше у папаш непутевых встречается, нежели у матерей. Вот и встает вопрос очень остро: зачем рожала. С дочкой будет то же самое, интересно? Есть такие женщины, у которых нет любви к своим детям, но есть к чужим? Так, что ли? Таня и сама к таким относилась, пожалуй, чужих воспринимала как своих, а вот мысли о родной кровинке пугали, дрожь по телу вызывали.

Сколько раз судьба показывала, что жизнь может круто измениться? А вот Таня, до сих пор, не может с таким положением вещей свыкнуться. Нельзя просто самой себе сказать: «Так бывает, Тань», и успокоиться на этом. Надо заняться самоедством, психологическим анализом себя, других. Обычные тараканы в ее голове не могут существовать спокойно и наслаждаться моментом, жизнью.

А насладиться было чем. Тут надо заметить, что с Кириллом и так скучать не приходится, но как-то вечером он ее убил:

– Таня, ты же юрист! – вдруг воскликнул он из своей комнаты и, судя по шуму в коридоре уже мчался к ней, – Ты! Юрист!

– Да, спасибо, что напомнил, а то я как-то забыла на что потратила пять лет своей университетской жизни. – она лишь фыркнула, но на него глаза от рабочих документов подняла. Парень явно загорелся какой-то идеей, глаза горят, аж поблескивают, но это скорей отражался свет, так причудливо оттеняя карие глаза, делая их светлей, более янтарными. –

Чего придумал?

– Мы ж семья?

– Семья. – еще и кивнула в подтверждение.

– А раз семья, значит, моя святая обязанность делать все для семьи?

– Если это был вопрос, то да, но не скажу, что обязанность такая уж святая. – на мой ответ он лишь фыркнул и продолжил.

– Таня, ты юрист!

– Да, и этот факт тебя как-то раньше не волновал настолько сильно.

– Нет, ты не понимаешь! Зачем мне ходить к репетитору, когда он в нашем доме живет?

– Любовь Михайловна переехала, что ли? – лицо будущего адвоката на миг скривилось, а потом мне, как маленькой, по слогам сказали:

– Зачем мне Любовь Михайловна, если уже есть Татьяна Юрьевна? Сама говоришь, -все в семью! Вот и у нас будет все в семью! – видя замешательство на моем лице, а потом оторопь от такого предложения, он заржал как конь. – Ты сама сказала: все в семью. Так что будешь мне помогать, но историю, так и быть, с Санычем учить буду.

– Я ладно, а вот Саныч вряд ли согласится, да и не потяну я его, знаешь ли, в качестве твоего репетитора.

– Сам с ним договарюсь! Так что? Ты будешь мне помогать?

– Куда я денусь то? – и, не слушая меня до конца, этот будущий адвокат умчался за своими тетрадами, тестами и всем, что у него там было. – Что прямо сейчас?! Кирилл!

Так у нас еще и занятия появились. Лучше бы он к репетитору ходил, честное слово. Это ж надо так над детьми издеваться? Как-то раньше и в голову не приходило интересоваться школьной программой, а когда пришлось, – немного обалдела от количества ненужной информации.

Как правильно тогда заметил Кирилл, она юрист, при желании могла сдать экзамен на адвоката и спокойно практиковать. К счастью, такого желания у нее не было, и копаться в бумажках, анализируя слова, перефразировать и переделывать предложения в контрактах, переплетая все как паутину, – это ее конек и излюбленное занятие. Кирилл же видит себя на поприще адвокатской деятельности международного права. То, что он определился и четко знает, чего хочет, и будет добиваться намеченного, очень воодушевляло. Огорчало же то, что сдать единый госэкзамен по обществознанию на хороший балл, надо постараться.

Честно признаваясь самой себе, ее эти занятия начали пугать, потому что в некоторых, встречаемых вопросах она смысла не видела, но они были, – и за каждый правильный ответ, ее мальчик мог на шаг ближе приблизиться к тому, чего хочет. Вот и корпели над учебниками. Еще интересней то, что да, она практикующий юрист, но некоторые вопро-

сы заставляли напряженно размышлять, искать правильный ответ. В общем, ее профессиональная гордость была задета, потому что тупиковые вопросы бесили и правильный ответ находился, но чтоб чётко сформулировать свой ответ и донести логику рассуждений до Кирилла... было сложно. А из него вопросы сыпались как из рога изобилия, еще и на них старалась отвечать предельно просто и понятно, а не как привыкла, за время работы варьируя терминами, да так, что, порой, суть составленного документа не мог уловить даже ее зам Степан.

Когда сама Таня поступала у нее был профильный устный экзамен,— вопросы хоть и с двойным дном, но имели какую-то смысловую нагрузку. То есть, это была откровенная проверка того, как у кого работает голова, способна ли она, за мишурой ненужных слов и терминов, увидеть суть сказанного и правильно ответить. Вот это экзамен, вот это она понимает.

А тут тест, да еще глупый такой. Эссе какое-то надо написать, строго по предоставленному плану, по конкретной теме, с аргументами и остальной мутью. Жуть, одним словом.

Поэтому, для успокоения себя и проверки Кирилла, гоняла его не столько по тестам, но и по устным вопросам, как когда-то гоняли ее, чтоб сообразить и убедиться, что парень не ошибся с выбором будущей профессии, и та, в дальнейшем, не станет его разочарованием.

Убедилась, порадовалась, что у него в голове не только

заученные ответы на тестовые вопросы, но и голова очень смышленная, светлая. И расслабилась на некоторое время.

Эта его фраза про «все в дом», теперь стала какой-то традиционной, что ли. Саныч то так ржал как услышал этот разговор, да еще и пересказанный Кириллом в лицах... его хохот слышал весь офис. Потом в кабинете нарисовался Олег после смены и тоже, услышав пересказ хохотал, но стремление Кирилла похвалил.

С Олегом что-то происходило. Что именно, она понять не могла, а тот молчал как партизан в тылу врага. Саныч тоже заметил, но промолчал на планерке и после нее тоже. Все хотела его поймать, потом, после летучки, но тот ускользнул от разговора очень ловко и перевел тему на объект его охраны, а значит на Диму,— тут уже говорить не хотела она. Так и играли темами разговора в пинг-понг, пока обоим это не надоело и разошлись, недовольные друг другом, работать. Ладно, все равно в пятницу у них намечается совместный вечер,— в эту не смогли потому что Олег работал, а значит в следующую будут точно.

Работа стала делом второстепенным, ее теперь больше занимала новая, начавшаяся жизнь, дома.

Всеми силами старалась не возвращаться мыслями к Диме, но не получалось. Точнее получалось, но моментами и на

очень недолгое время. Ситуация с Кириллом, переезд, мини ремонт, а потом завал на работе ее отвлекали, до того момента пока не ложилась спать.

Ночь – самое время покопаться в себе, поразмышлять, иногда повскрывать нагноившиеся, но так и не зажившие раны. Вот Таня и занималась самокопанием и анализом всей их семейной жизни.

Все думала найти что-то такое... какой-то скол, щепку, с которой начался их разлад, но безуспешно. Не было такого момента в их жизни прошлой, не было. Она, дура, думала у них все хорошо, да так и было... пока Дима не заговорил о детях. Вот тут-то трещина и пошла.

На самом деле она удивлялась почему столько лет Дима молчал на эту тему, не поднималось даже такого вопроса. После их первого раза она перешла на гормональные контрацептивы и пила таблетки, да за пять лет делала несколько раз перерывы, но и тогда они соблюдали осторожность. То есть, возможность забеременеть у нее была и не раз, но они оба делали все, чтоб подобного не произошло.

Странно, ей бы раньше самой стоило заговорить об этом, попытаться донести до него свою точку зрения правильно, так чтоб понял и не злился. Кто знает, может подними они этот вопрос года три назад, сейчас уже был бы малыш, желанный и любимый обоими.

Ей казалось, что им хорошо вдвоем. Ну болтали на работе бабы... сплетни, пересуды, ну и что? Плевать было на это,

когда им и так хорошо. Оказалось, Дима детей хотел, просто ждал пока все будет стабильно и на работе, и в семье. А тут такой сюрприз вылез.

Не то, чтоб она не хотела детей категорично, или не любила детей совсем. Такое обоснование своего отрицания заводить ребенка было неверным. Детей она любила, своих-чужих, разницы не имеет. Кирилла же любит? Любит, заботится, но он не ее, чужой ребенок, нуждающийся в родительской ласке и любви. Илью, сына подруги детства, она тоже любит, но немного не так.

Тут нужно заметить, что Марина человек очень занятой и достаточно скрытный. Когда ее семья жила здесь, в городе, они дружили, несмотря на разницу в три с половиной года. Кажется, самой Тане было десять, когда Маринкины родители развелись и они с матерью перебрались в Москву. Но сами девчонки связи не теряли, созванивались. Взрослели, росли, а общаться не переставали. Позже появились разные соцсети, звонки в скайпе. Единственным условием Марины, еще в самом начале их общения по телефону, была просьба ничего не говорить ее отцу, если тот будет узнавать что-то. Таня пообещала. Годы шли, а все так и оставалось, пока Маринка не влюбилась. Любовь ее длилась всего месяц и когда она уже, после получения диплома, начала работать, узнала, что беременна. Таня тогда еще в Москву не переехала, но Марине свою помощь предложила, дескать переберусь раньше, все равно ведь собиралась, правда она тогда только первую

сессию закрыла. Папашу искали долго, но тот рыжик затаился, да так, что Марина, грешным делом, хотела обратиться за помощью к отцу, но уже стало не до того. Беременность сложная, роды тоже, а потом случилось то, чего не ждал никто. Родились близнецы, один умер в тот же день. Вот так. Марина от горя почернела, Таня рвалась к ней, но ледяные глаза подруги не давали и шагу сделать в том направлении.

Уже потом, после переезда, Таня смогла навещать их, помогать по мере сил. И Илюшку она искренне любила. После замужества они общались все больше по скайпу, но стабильно на праздники и день рождения Ильи она ездила к Марине. Но все же любила его как-то не так, как Кирилла. Может потому, что времени проводила с ним больше? Это конечно не критерий, но другой причины не видела. С удовольствием возилась с маленьким Ильёй, ее не пугали крики, плач, срыгивания, памперсы. Помогала, чем могла, давая Маришке и ее маме хоть какое-то время для отдыха. И сейчас с повзрослевшим Ильей общий язык нашла. А как тут не найти, если он зайчик солнечный? Рыжий, весь в отца. Иногда она ловила себя на мысли, что Илья ей кого-то напоминает, но кого... сколько не пыталась вспомнить и представить, в голову ничего толкового не шло. Одно время она даже думала на друга мужа, Костю, тот тоже рыжий весь, но мало ли рыжих мужиков по Москве ходит? Вот- вот, идея бредовая, а других знакомых с таким цветом волос у нее не было.

Дима с Мариной так и не познакомился, все как-то не по-

лучалось. То есть, так-то они знакомы, по скайпу, а в реальной жизни этого не удавалось. Марина, кстати, на личные встречи не рвалась ни с ней, ни с ним. Все не хотела, чтоб отец ее узнать что-то мог. По факту он все знал, адрес уж точно, про появление внука, в общих чертах, рассказала сама Таня, а все остальное он выяснял сам. Пусть Таня себя и корила немного, но и его тоже понять можно: дочка про внука сообщать не собиралась еще очень долгое время и Таня не утерпела, сказала при первой удобной возможности.

Возвращаясь к вопросу детей у самой Тани... Когда Дима ей сказал о своем желании, ее как мешком муки по голове ударили, все мысли из головы вылетели и осталась одна паническая мысль, что она может не справиться с обязанностями матери, что это же не просто так взять и завести... его любить надо. Испугалась и ляпнула, что надо подумать.

Ей бы сесть и все рассказать, как надо, успокоить и его и себя, но не успела. Очнулась уже когда дверь входная зло хлопнула... и все.

Сейчас она точно для себя решила, что заводить детей не будет. Это ее право, как любой свободной женщины, и она для себя это решила. Да, сами дети ее не пугают, и она с удовольствием может с ними возиться, помогать, воспитывать. Но заводить своего не будет.

Это ее личное табу! Никакого ребенка от, пусть самого любимого мужчины, не заведет. После развода, может через

год, другой, ее мировосприятие изменится и она решится на ЭКО от анонимного донора. Когда она будет готова и этот ребенок будет только ее, возможно она рассмотрит такую возможность всерьез и решится на что-то конкретное. А может и не решится, кто знает.

Но только не от Димы.

Ей было тяжело справляться с переездом сюда и была пара сеансов у психотерапевта. Толковый мужик вытащил из нее то, чего она откровенно не готова была признать в себе, а сказать кому-то и подавно.

Пример собственной матери очень ярко и наглядно исковеркал ее психику, зародил сомнения в себе, в своих способностях стать нормальной матерью, любящей своего ребенка просто так, а не вопреки и потому, что так нужно. Полина, матерью и не была. Она была женой, любящей мужа и потакающая его желаниям. Любим. Поэтому в их семье самым ласковым и любящим по отношению к ней, Тане, был именно папа. До того... пока был жив. После его смерти жизнь превратилась во что-то отвратительное и настолько ужасное, что проще было сбежать из дома, но ума хватило так не поступать.

Мать была с ней холодна, даже безразлична, а еще очень зла. И Таня боялась, что в ней тоже что-то такое проявится, когда она сама родит. Головой понимала, что это бред и чушь, но страх был иррационален и не поддавался никакой

логике.

А потом у нее была наглядная демонстрация, устроенная ей же самой, что она не готова иметь детей, а точнее не желает.

У нее был, перерыв в приеме таблеток, да и, перенесенная за неделю до этого ангина дала о себе знать: антибиотики, которые она принимала, перебили действия гормональных. В общем, спустя неделю после Сочи, в голову добрела мысль, что у нее задержка больше трех недель. Тест... две полоски... С ней рядом была Маришка, молча радовалась, но вспомнила кое-что из детства подруги и испугалась, пыталась отговорить, но Таня была непреклонна в своем желании сделать аборт. Рожать и отдавать потом в дом малютки, это еще хуже. И она сделала аборт, без лишних слез,— эмоций тогда вообще у нее не было, а вот опустошенность была.

Осознание сделанного шибануло спустя пару месяцев, когда ей начали сниться кошмары с ребенком, с девочкой, очень похожей на нее, но с карими глазами отца. Эти сны ее тревожили, заставляли нервничать. Она чувствовала себя виноватой перед их дочкой, хотя не должна была.

Знала, что родись эта девочка, она бы испоганила ей жизнь упреками в неверности отца, загнобила бы, потому что боль его измены была так сильна, что порой сдерживать себя было невыносимо и она рыдала, кричала в подушку чтоб хоть как-то облегчить свое состояние. А тут еще сны эти.

Но потом Таня себя убедила, что все правильно. Какая нормальная женщина пойдет на аборт, если ребенок, хоть и не желанный, но от любимого мужчины? Правильный ответ: нормальная женщина на убийство не пойдет. Она пошла, значит с ней точно что-то не так.

Корила ли она себя за сделанное? И нет, и да. Раньше точно нет, а сейчас, прожив неделю с Кириллом, но уже немного в другом статусе, поняла, чего себя лишила. И от этого стало так горько и обидно, что мата на себя саму не хватало. А с другой стороны, она по-прежнему любила того, кто ее так неожиданно предал. Любила так, как любить нельзя, от того сомнения грызли душу. А еще пугала мысль о Диме: если он узнает, что она сделала, как поступит?

Он приехал, просит вернуться, говорит, что любит ее, а все остальное они исправят, решат. Только разве возможно решить и забыть такое? Измену простить более вероятно, но за ней тоже есть вина, и не малая.

Может она бы и вернулась, дала бы шанс, особенно учитывая все оставшиеся чувства,— раньше они пылали в ней, а сейчас уголек напоминают. Этот самый уголек тлеет, делая сердцу больно своим медленным тушением, а еще Таня подкоркой чувствовала, что стоит только позволить дать слабину, подпустить Диму снова к себе близко и этот уголек разгорится в огромное кострище, что будет пылать, сжигать все внутри, пока от самой Татьяны уже ничего не останется и будет только жажда в любимом мужчине. И побоку будут

все его измены, лишь бы рядом быть, знать, что к ней вернется, что она самая главная женщина в его жизни. Такую жизнь она представляла для себя до начала истории с разводом, такое возможное будущее видела сейчас, стоит только сказать Диме «люблю». Потерять себя, раствориться полностью и дать ему все, что он захочет, несмотря на собственные интересы и желания. Это тягу к саморазрушению, эти желания посвятить себя ему полностью, без остатка, она ощущала раньше, всегда пока они были вместе, и тот разговор про ребёнка отрезвил ее в какой-то степени, дал возможность передохнуть и понять, что так любить – это неправильно, что любовь, даже если настолько всепоглощающая, должна быть обоюдной и, возможно, тогда у них бы все получилось. Но, как показала практика, Дима если и любил, то не так, как ей бы хотелось. Она ему не подходит, - вот весь итог их семейной жизни.

Диме нужна другая жена, нормальная! А у нее останутся воспоминания: плохие, хорошие, - не важно, просто они будут у нее. Еще у нее есть Кирилл, Саныч и даже Олег, Маришка с Ильей, – это ее семья, готовая поддержать, неважно какие ошибки она совершит. А Дима... пусть будет счастлив уже без нее.

Таковыми мыслями она опять себя довела до той черты, которую обещала не переступать. Слез не было, а вот подушка была рядом, еще чуть-чуть и уткнется в нее, пытаясь заглушить очередной крик, полный боли, но пока держалась.

Вообще она спала плохо на новой кровати, и эти крики в подушку стали неким ритуалом прежде, чем она сможет провалиться в беспокойный сон. Дело не в неудобном матрасе, новом месте или еще в чем-то подобном.

Просто...

Каждый человек ищет свое место в жизни. Кто-то находит его в работе, а кто-то в семье, но находят и стараются это место гармонии, равновесия, – свое место не потерять. Она его тоже нашла. Нашла рядом с мужчиной, таким порой жестким, порой спокойным и хладнокровным, что аж зубы оскоминой сводит, а порой нежным, трепетным, любящим, страстным, невероятно целеустремленным, и даже немножко властным по отношению к ней. Вот с таким мужчиной она нашла свое место в жизни, а потом его потеряла и теперь мечется, не зная куда себя приткнуть, и чем заменить то, что утеряно, кажется безвозвратно. К нему привыкла, приняла его таким какой он есть на самом деле, без прикрас. И с ним всегда ложилась спать и с ним всегда просыпалась.

Не важно, что он мог задержаться и прийти позже намного, она его ждала и только потом они вместе ложились спать. Его это сначала смешило, потом злило, а потом привык. То же было и с пробуждением, если ему нужно было раньше встать и поехать на встречу или собрание акционеров, она вставала вместе с ним, хотя могла и спать еще лишний час, два. Готовила завтрак на двоих, и досыпать уже не шла, занималась своими делами или тратила утро на что-то более

приятное, типа салона, спа и похода по магазинам, если ей не требовалось ехать в этот день в офис.

Она по факту больше работала дома, после замужества,— Дима был только за,— Костя как непосредственный начальник не возражал и с удовольствием приезжал в гости к другу, а по сути на халяву поужинать домашней едой. Это была ее жизнь, правильная для них обоих. Ее не тяготило такое распределение обязанностей, Таня с радостью занималась домом, готовкой, даже глажкой и той наслаждалась. Потому что прекрасно чувствовала себя, заботясь о том, кого любила. Не видела ничего предосудительного в том, что она не ринулась с разбега покорять столицу,— с таким-то мужем. Какой смысл строить карьеру и идти по головам в ущерб семье, убивая на это уйму времени, которое можно было посвятить любимому мужу и себе? В ней никогда не было этих феминистских замашек. Да, образование получила, работу приличную тоже, но это ведь не было смыслом ее жизни. Точнее, когда-то может и было, когда все надеялась доказать матери, что ее можно и нужно любить, хотя бы за достижения в учебе или работе,— не вышло с этим. Ну, а потом просто переросла желание что-то кому-то доказать. И встретила того, без кого жизнь не мила стала, вот и проявились все ее черты домашней девочки и женщины.

Дима шутя говорил, что думал: будет ему трудно с такой целеустремленной отличницей, а на поверку Таня оказалась очень домашней и очень родной, что ему безумно нравилось.

А теперь... теперь мы другие, и есть вещи, которые Дима не сможет простить и понять. Зря только приехал.

Вот же он, рядом совсем и приехал за тобой, стоит только сделать один звонок и вернешься туда, где живешь по-настоящему, кого так отчаянно любишь и желаешь видеть рядом с собой постоянно. Получишь все, стоит только позвонить. И рука тянулась к телефону, а губы дрожали, желая облачить все мысли в слова. Но это пройдет у него, -закончит работу и уедет ни с чем, успокоится, поняв, что своего решения жена не изменит. И найдет ту, что сможет быть другой, не такой как Таня.

Так будет правильно и лучше для всех!

Придя к такой мысли уже которую ночь подряд, она наконец улеглась спать и убрала телефон от себя подальше. Так, на всякий случай.

ГЛАВА 5

Таня с Олегом решили пообедать вместе, раз вторая пятница подряд у них с вечерними посиделками пролетает. Хотели зайти в кафешку недалеко от офиса, на час другой, если никого из них срочно не вызовут.

На выходе их поймала Леонидовна:

– Татьяна Юрьевна, Вам только что извещение принесли, просили передать сразу.

– Спасибо, там подписать ничего не надо?

– Нет, идите пообедайте спокойно. – вручила мне письмо и помчалась обратно в офис, -забавная у нас секретарша,– сейчас, небось, весь наш бухгалтерский коллектив погонит на обед, –вечно они там на диетах сидят.

– Не могла вот она потом его тебе отдать? Говорил же, раньше надо было выходить, – недовольный взгляд в мою сторону.

– Ты ворчишь, как дедуля старый, тебе не идет.

– Откуда тебе знать, ты вон уже гадаешь, что за документ тебе прислали.

– Все-все, убираю, не ворчи только! – действительно пришлось убрать в сумку письмо, – я вся во внимании.

– Ну, спасибо, благодетельствовала, – и этот шут одарил меня поклоном. Люди на улице оборачивались нам вслед,–

кто с недоумением, кто с улыбками.

– Тебе срочно надо поесть. Ты, когда в таком настроении, пропадает всякое желание находиться рядом, знаешь ли.

– Ничего, потерпишь!

– Не царское это дело, холопов терпеть.

– И кто из нас более невыносим?

– Спроси у Саныча, ответ тебя не порадует.

– Спасибо, пока как-то не хочется мелькать перед начальством, мы еще не нашли тех любителей экстремального вождения.

– Ясно. Ну, так-то все спокойно, прецедентов больше не было? – вопрос сорвался прежде, чем успела себя одернуть.

– Не было, не было, жива твоя любовь.

– Иногда так и тянет по зубам тебе дать, но боюсь, после такой попытки мне самой вставная челюсть понадобится, – на сказанное, Олег лишь саркастично улыбнулся.

– Это да, это правильно, рефлексy ...все такое, а так я женщин не бью, но иногда аж руки чешутся... – сказано это было явно с намеком.

– Ты сейчас о ком?

– Да уж не о тебе, не бойся.

– Я не боюсь, мне просто любопытно. Ходишь весь такой загадочный в последнее время, задумчивый шибко...

– Чет я не понял, ты меня сейчас обидеть хочешь?

– Нет, что ты? Как я могу?!

Дальнейший спор о чьих-то умственных способностях

пришлось прекратить и искать свободный столик. В обед тут народу хватало, а так как готовили очень вкусно, то приходилось иногда и ждать свободные места, но нам сегодня повезло и мы устроились возле окна, выходящего на проспект, быстренько заказали и увлеченно продолжили донимать друг друга.

– Слушай, серьезно, что происходит? Ты сам на себя не похож. – улыбка на лице грозного охранника слетела мгновенно и вернулось то выражение крайней задумчивости, что нас с Саньчем так напрягало.

– В общем, дурак я по ходу! – тяжкий вздох, тяжелый взгляд исподлобья.

– Ага, очень информативно, это все?

– Ну вот что ты пристала, а? Вон лучше, делом займись, а я пока пойду кофе закажу.

– Мы его уже заказали... – но говорила я это пустому стулу, умчался наш герой в комнату задумчивости. – Все чудесатее и чудесатее.

Когда беглец вернулся, уже принесли наш заказ и никакого желания продолжать попытки выведать информацию не было, пусть поест спокойно, а вот к десерту можно и попытать чуток.

– Друг мой сердечный, ты может сам все расскажешь или я Саньча попрошу тебе экскурсию в мир гестаповских пыток

устроить?

– Сурова и непреклонна, – констатировал он, отодвигая от себя очень аппетитный на вид кексик, – Не отстанешь да?

– Выговорись, авось перестанешь пугать всех своим хмуро-задумчивым видом, а?

– Тань, я может это, как его... женщину встретил?! – слово «женщина» было сказано с особым трепетом, что для Олега не характерно ни в какой мере.

– «Того этого», мне не очень понятно, но позволь предположить, ты влюбился, что ли?

– Ты только не смейся, ладно?

– Клянусь, торжественно положив руку на это меню, что смеяться не буду, – губы подрагивали и серьезную мину держать было адски тяжело, – Ну, влюбился, дело серьезное.

– Тебе смешно, а мне может пулю в висок пустить охота! Она мне всю душу вынула, в сердце плюнула, соблазнила, а потом взяла и ушла!

– Господи боже мой, это что за героиня? Я хочу с ней познакомиться! – смеяться мне уже расхотелось, но пришлось продолжать дабы наш отчаянно влюбленный не начал опять закрываться в себе.

– Она бы тебе понравилась, безбашенная немного, но веселая, умная и мне с ней хорошо, да что там хорошо! Обалденно, а она взяла и сбежала! – последние слова он чуть ли не шипел.

– Так ты ее найти не можешь что ли?

– Если б мог, не парился бы! – и посмотрел на меня так, что сразу захотелось заткнуться и не отвечивать пару дней, пока гроза не пройдет, – Кажется накрылась наша душевная беседа...

Олег вдруг напрягся и посмотрел на кого-то за моей спиной, но повернуться и тоже поглазеть я не успела. Взяв свободный стул, к нам присоединился биг босс. Был он очень недоволен, задумчив. Колкость по поводу задумчивых мужиков прямо-таки рвалась с языка но, видя таких грозных за одним столиком со мной и в непосредственной близости, посчитала лучшим вариантом помолчать и послушать зачем грозное начальство явилось на обед к нам.

– Ну что, работнички? Доигрались? – мы с Олегом переглянулись, синхронно пожали плечами и уставились на злого Санюча, – Что вылупились, дармоеды? Сидят, обедают понимаешь ли, а меня там чуть кондратий не обнял, когда я эту чертову бумажку увидел, – и сунул мне под нос пару документов, – Читай, красавица моя!

Молча забрала документы, так же молча начала читать и по ходу прочтения сего бреда, глаза у меня на лоб полезли однозначно. Достала переданный Леонидовной конверт, открыла, прочла.

– Твою мать, идиот чертов! – еще парочка ругательств могли слететь с языка, но Санюч продолжал козырять макулатурой:

– Ну с этим ладно, разберемся! Ты второй документик

прочитай.

Прочитала, поняла, что кого-то могу убить, если мне сейчас же не дадут возможность спустить пар. Олег и Саныч наблюдали за мной с нездоровым любопытством, но молчали, давая время переварить.

Ситуация хреновая: Климентьев предпочел подать в суд, нежели спокойно без шума выплатить неустойку. Ладно, значит поборемся за сумму с семьей нолями, если так ему хочется. Су*а такая, будет нам репутацию портить. Справимся, не в первой.

Второй документ был хуже, по содержанию, только для меня. Почему его мне принес Саныч потом выясню, но факт в том, что Дима подал на раздел имущества, а это, как минимум, еще месяц пока наши адвокаты договорятся, что дает Диме время. Черт!

– Может тебе водки заказать? Хряпнешь стакашку и успокоишься? – вариант Олега.

– Я ему просто морду набью и все на этом, хочешь? – это уже Саныч.

– А может сразу водки, а потом уже мордобой устроим? Его ж мои орлы стерегут, а ты уже далеко не великий и могучий.

– Поговори мне еще тут, орлы у него, видите ли! Знаю я твоих орлов, до сих пор тачку найти не могут.

– Саныч, номера фиктивные, а таких девяток по городу

знаешь сколько катается? Мне ее родить что ли, чтоб ты угомонился?

– А может вы оба помолчите и производственное совещание в офисе устраивать будете, а мне дадите пару минут одной побыть? – оба замолкли, но оставлять меня одну явно не собирались, – Ладно, наелись уже, надо в офис вернуться.

– Татьяна, не нравится мне твой взгляд, чего задумала? – пока Олег расплачивался, Саныч взял меня под локоток и вывел на улицу, – Тань, ты чего молчишь то?

– А что мне говорить и так вся ясно, – Дима не успокоится, пока своего не добьется, значит я дам ему то, что он хочет.

– В каком смысле дашь ему, что он хочет? В Москву поедешь? – и такой взгляд у него не хороший стал, сталью заледенел. – Серьезно?

– Он хочет половину совместно нажитого? Он ее получит!

– Дура, твою мать! Как есть, дура! – гаркнул так, что у меня аж коленки подогнулись, – Ему ты нужна, ты! Отдашь ему половину всего, что имеешь, а дальше что? Ты головой своей думаешь или нет? Вам поговорить нормально надо, а ты все бегаешь! Добегалась?

– Что ты раскричался то? Деньги не проблема, заработаю, а говорить не хочу, зачем?

– Упрямая дура! Потом поздно будет!

– Саныч, ты мне мозги не компостируй, без тебя разберусь. Говорить тогда надо было, а вот сейчас уже поздно, не о

чем говорить! Пусть все забирает, к чертовой матери, а меня оставит в покое! – уже не говорила, кричала на ни в чем не повинного человека.

– Вы чего тут бесплатный концерт устраиваете? – веселый голос Олега нас обоих отвлек, – Имейте в виду, любой труд должен оплачиваться, а наши услуги не из дешевых, чтоб ваши таланты бесплатно разбазаривать!

– Ты то хоть помолчи, а лучше скажи ей чтоб дурить перестала!

– Хватит уже меня дурой называть, сам то чем лучше?

– Начинается... – Олег трагично закатил глаза и возвел руки к небу, – Задолбали вы меня, честное слово. Пусть делает, что хочет, это ее жизнь, – назидательно проговорил, глядя на Санюча, повернулся ко мне, – Не ори на старших, и слушай, умудренных опытом, они иногда полезные вещи говорят.

– Слышь, умудренный опытом, пошли работать, на нас там, между прочим, так на минуточку, в суд подали.

– Не бери мне душу, Татьяна.

На этом перепалка закончилась и шли мы втроем до офиса молча. Санюч был на меня зол и обижен, Олег наоборот повеселел, видимо, когда у других неприятности, о своих ему думать легче. В общем, в офисе разошлись по кабинетам, показательно хлопая дверьми. Двери, конечно, ни в чем не виноваты, и Степан, который мне под руку попался тоже не виноват, -ну, порычала немного на своих сотрудников,

подумаешь. Они привычные, Саныч нас всех в тонусе держит, а тут роль грозного начальника на себя примерила я, не страшно ведь совсем.

Обмозговать ситуацию как следует не успела, в кабинет ворвалась Леонидовна, красная как рак, глаза на выкате, того гляди в обморок хлопнется:

– Татьяна Юрьевна, там...там...Танечка, угомони их, а то весь офис разнесут. И тебе из школы звонили, сказали, чтоб приехала, иначе Кирилла в каталажку упекут.

– Час от часу не легче. Мне куда лететь сначала? Кого спасать то?

– Танечка, ты только их разними, а дальше я сама, ладно? Ты к Кириллу потом поезжай, – говорила она мне это, как душевнобольной, очень спокойно и так... не знаю, но ощущения мне от такого тона не понравились.

В кабинете Саныча творилось невероятное. Действующие лица все те же, плюс Дима и пара парней, его охраняющих. Кабинет на такое количество здоровенных мужиков явно был не рассчитан, поэтому с моим появлением и, маячившей за моей спиной все той же Леонидовной, стало до жути тесно.

– Мужики, может вы в переговорную переберетесь, а? Там места больше, документов под руками важных нет, стулья опять же полегче будут, ну если вам они вместо метательных снарядов подойдут, а то, Александр Александрович, людьми кидаться как-то не по статусу, Вам так не кажется? – Саныч

держал Диму за горло, тот спокойно смотрел ему в глаза и, кажется после моих слов старался подавить довольную улыбку, скотина такая, все остальные с моим появлением только разве что за пушки не хватались. – Олежа, ты им случайно не говорил, что мы очень дорого стоим и бесплатные представления, даже для своих, со скидкой, не очень выгодная финансовая политика?

– Я пытался, Татьяна Юрьевна, но разве ж меня кто слушает? – этот тоже пытался не ржать, – меня саму от напряжения аж потряхивало, и до них всех кажется наконец это дошло. – Татьяна Юрьевна, а чего это ты так глазами зло сверкаешь?

– Я то? Да меня тут, понимаешь, муж до трусов обобрать хочет, на нас в суд подали, дядя мой на меня обиду затаил горькую, а еще в школу вызвали, ага, вот и потряхивает.

– А в школу зачем?

– Да у вас у всех, видимо день такой, мордонабивательный, вот и Кирилл не утерпел, тоже кому-то съездил, – сил смотреть на этот театр абсурда не было, нервы уже...на пределе.

– Может все-таки стакашку хряпнешь?

– Дыхну на ментов спиртным амбре и они вместо Кирилла мне за вождение, в нетрезвом, вкатают? Отличная идея.

– Мое дело предложить, ваше дело отказаться, – он пожал плечами и двинулся к так и стоящим Санычу и Диме, – все мужики, хорош. У нас и так проблем хватает. Леонидовна,

тащи коньяк. И корвалолу Татьяне накапай, а то она сейчас взорвется. И себе тоже накапай.

– И в самом деле, не стыдно вам пожилую женщину пугать? Устроили тут цирк. Сан Саныч, я же просила!

– Твой отец в это дело душу, да что там, всю жизнь вложил, а ты ему хочешь всё отдать??? Что я должен был делать?

Дима, до этого молчавший, вдруг улыбнулся и, глядя мне в глаза сказал:

– Все мое- твоё, так ведь Таня, а твоё -мое?

– Не подавишься таким куском, а то я ведь не жадная, отдам все, что есть, подпишу все бумаги, даже спорить не буду, – от моих слов его перекосило. – Ладно, все живы-здоровы, я тогда поехала.

– Куда? – рывкнул Дима, Саныч уже хотел ему что-то сказать, но я его перебила.

– Ты как всегда слушаешь только себя, а остальное мимо ушей пропускаешь.

– Давай все претензии наедине обсудим.

– А давай ты прекратишь устраивать театр и просто оставишь нас в покое.

– Я бы с удовольствием, но ты пока еще МОЯ жена и ни о каком покое и речи быть не может.

– Вот именно, что пока, Дима, и я еще раз повторяю, соглашусь на любую сделку лишь бы нас развели!

– Таня... – начал он с предупреждением в голосе.

– Иди к черту!

Больше ничего не говорила, вышла в коридор, пытаюсь не слушать опять начавшего орать Саныча. Господи, что за идиотизм? Устроили тут соревнования кто круче и главное, мужики гребанные...

– Стой! – Олег догнал на лестнице, – Куда ты за руль такая чумная? В аварию влететь хочешь?

– Отстань, нормально все со мной!

– А то я не вижу нормально твое, руки хоть в карманы спрячь, а то как у алкоголика запойного ходуном ходят, – посмотрела на руки, хмыкнула.

– Садись, домчу с ветерком, я сегодня добрый!

Возле школы нас ждал наряд ментов, взбешенный директор, лицо которого было красней, чем лицо Леонидовны недавно, виноватый Кирилл с подбитым глазом и еще один парень с разбитой губой, синяком на скуле и в порванной футболке. Вслед за нами на парковку въехала машина Вовы и он, недовольный, показался нам на глаза.

Дело решили мирным путем, никто никаких заявлений писать не стал, обоим парням вклеили по выговору в личное дело и до конца учебного месяца они будут дежурить по школе, то есть будут помогать уборщице с уборкой классов после уроков.

– Довольна? – Вова разве что не плевался, так шипел мне в лицо и руками размахивал, – Это ты виновата, ты!

– В чем виновата? Не я твоего сына из дома выгнала!

– Ты виновата, какого хрена ты вмешалась? Я бы Лильку угомонил, Кирюха бы дома остался, а теперь что? Да об этом весь город судачит теперь! Даже вот в школе болтают.

– В школе болтают, потому что у твоей жены мозгов нет, у вас балкон в школьный двор выходит, а она вещи оттуда швыряла. Чем думала, спрашивается? Не головой, точно!

– Заткнись, и послушай!

– А ты мне рот не затыкай, охренел совсем?! Твоего сына из дома погнали, а ты ноль внимания, а если бы меня в городе не было, что тогда? Ему на улице бы ночевать пришлось? Ты головой то думаешь или нет?

– Какого черта ты вообще приперлась? Жили без тебя отлично, только вернулась, – все: парень от рук отбился! Сидела бы в своей Москве, так нет, у нее муж видите ли по бабам пошел, умная была б, не уехала, перебесился бы и вернулся в семью. А ты мужа не удержала, так теперь и Кирилл из семьи увела, дрянь неблагодарная! Убил бы! – от обидных слов хотелось взвыть, вцепиться ему ногтями в мерзкое лицо.

– Ты Вовчик, часом, головой не ударялся? – как здесь оказался Дима не знаю, но за то, что Вова замолчал я ему была благодарна, от тихого вкрадчивого голоса, полного неприкрытой угрозы у самой мурашки по телу табуном промчались – От жены моей отошел, иначе я за себя не отвечаю.

Вова сглотнул, побледнел, но все-таки отошел от меня, потом и вовсе, бросив злой взгляд мне за спину, развернулся и ушел к своей машине. К этому моменту к нам подошли

Олег с Кириллом, о чем-то увлеченно споря.

– Привет, дядь Дим.

– Привет, орел. Кому по роже съездил?

– Да был там один шибко умный, а ты, дядь Дим, тут за-
чем? Тоже будешь мне мораль читать?

– Ну, вообще-то, я Таню хотел у вас перехватить, но те-
перь думаю не выйдет, – он смотрел мне в глаза и видел все,
что я так неудачно пыталась скрыть от него. Смотрел и уже
в его глазах мне виделось многое, слишком многое. – Тане
нашей нужно передохнуть.

– Ага, ей все-таки стакашку надо хряпнуть. – мы с Ди-
мой на это рассмеялись, понижая градус общего напряже-
ния, Кирилл непонимающе посмотрел сначала на Олега, по-
том на нас, покрутил пальцем у виска и пошел в машину,
что-то недовольно бурча себе под нос.

– Если он будет считать меня алкоголичкой, виноват бу-
дешь ты.

– Он парень взрослый, сам разберется что и как ему о те-
бе думать. А куда Вовчик так резво поскакал? – стоило ему
только сказать об этом, как обстановка вновь накалилась,
мне резко захотелось хряпнуть тот самый стаканчик и уснуть
на пару часов, иначе меня просто бомбанет от всего, что в
этот день произошло.

– Я с ним сам поговорю, Олежа, не переживай.

– Да? А то я бы тоже с ним беседу провел.

– С чего вдруг?

– А с того, Дмитрий Сергеевич, что у парня есть отец, который способен только орать на баб, но уж никак не защитить сына, а меня такие мрази бесят, вот и хочется ему все объяснить и растолковать как следует.

– Становись в очередь, вторым будешь.

Олег кивнул, немного замялся, но все же направился к моей машине.

– Мы тебя подождем.

Дима проводил его внимательным взглядом.

– Ты ему нравишься, – утвердительно сказал, все так же наблюдая как Олег садится в машину. – Я понимаю, что не как женщина, а как друг, но меня так и тянет ему по роже дать... так, для профилактики.

– Не думаю, что у тебя все еще есть право так реагировать на мужчин рядом со мной, – тихо заметила я, отходя от него подальше, -слишком близко он стоял.

– Господи, Таня, что мы делаем?

– А что мы делаем?

– Все, что угодно, но только не пытаемся наладить нашу жизнь.

– Нашей жизни больше нет, Дима. Есть моя, есть твоя.

– Врешь! – он резко шагнул ко мне ближе, почти впечатывая меня в себя, – Врешь, Таня!

Мы стояли на парковке детской поликлиники, у всех на виду, а мне было плевать на это. Чувствовала только его руки на своей талии, спине, как сильно он прижимал, как стис-

кивал. Слышала тяжелое дыхание. Ощутила дыхание в волосах, такое жаркое, такое необходимое, согревающее. Вдохнула такой знакомый запах...и пропала. Уткнулась носом в его шею, пытаясь надышаться и согреться его теплом. Снова ощутила себя целой в его руках. Снова почувствовала себя сильной, способной решить любые проблемы, потому что меня саму защитит он, мой Димка, всегда!

И хотелось надышаться этим чуть терпким запахом впрок, чтобы это ощущение покоя, своего места не терялось как можно дольше. А он все обнимал, гладил спину, стискивал, слегка размял плечи, потянул за распущенные волосы, заставляя запрокинуть голову и посмотреть ему в глаза.

И посмотрела, утонула в омутах темных, таких знакомых и любимых. Он склонился так близко-близко, едва касаясь моих губ своими, выдохнул со всей присущей ему уверенностью:

– Врешь, Таня... и мне и себе, – и, наконец, поцеловал.

Меня, как током ударило, даже колени подогнулись, но его руки удержали, –всегда удерживали и сейчас не подвели.

Он целовал грубо, показывая нам обоим ту самую правду. А я не находила в себе сил не отвечать, потому что этого давящего, собственнического касания его губ ждала и жаждала невероятно сильно. Отвечала ему с не меньшей страстью, и желанием показать, что он до сих пор мой мужчина, только мой! Дорвалась, что называется.

Они целовались так, как никогда прежде: с жадой обла-

дания, желанием заклеить, показать всем, кому принадлежат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.